

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

ЗАВТРА БУДЕТ ВЧЕРА

УЛЬЯНА СОБОЛЕВА И ВЕРОНИКА ОРЛОВА

Ульяна Соболева
Завтра будет вчера

«Ульяна Соболева»

2016

Соболева У.

Завтра будет вчера / У. Соболева — «Ульяна Соболева», 2016

Вашему вниманию представлена запретная любовь русского парня и армянской девушки. Жесткая, кровожадная версия Ромео и Джульетты... У них всегда было только «вчера». То самое вчера, где они должны были не любить, а ненавидеть друг друга только за то, что говорят на разных языках. Её семья никогда бы не позволила ей быть с этим грязным мальчишкой, а его друзья и родные презирали бы его даже за мысли о дочери проклятого соседа. Добавлен БОНУС. Внимание! 18+Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Нарине	7
Глава 2. Артём	13
Глава 3. Карен, Нарине	19
Глава 4. Грант, Нарине	25
Глава 5. Артем	32
Глава 6. Нарине, Артур	38
Глава 7. Артём, Нарине	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Ульяна Соболева

Завтра будет вчера

Пролог

Я никогда не была более счастливой, чем сейчас. Несмотря ни на что. Я знала, что этим побегом я не просто перечеркнула свою прошлую жизнь черной линией невозврата, я воздвигла крест из черного мрамора на ее могиле, и, возможно, еще не раз буду приносить к этому кресту цветы. Но я эгоистично запрещала себе думать о том, как плакала сейчас моя мать и как разочаровался и в то же время разъярился отец; о том, кто и каким способом меня ищет, и что сделает, если найдет. Я отказывалась думать о том, что не просто предала их, а сделала это самым гнусным образом, на который только способна дочь, что для них вонзить в грудь нож было бы намного честнее, чем вот так жестоко втоптать в грязь их имя. Они потеряли Артура, но могли оплакивать его смерть открыто. Они откажутся от меня, проклянут, и по мне больше некому будет заплакать. У меня больше никого нет, кроме Артёма. Но это был мой выбор, и я знала, на что шла.

Сейчас хотела только чувствовать. Прикасаюсь к подушке, на которой он лежал, и утопать в его запахе, закрывать глаза, вспоминая его голос, который то ласкал тихим шепотом, то хрипло приказывал, заставляя взвиваться от бесконечного возбуждения. Я жадно впитывала в себя это счастье, зная, что оно скоротечно, что оно совсем скоро раскрошится на части, стоит только впустить в него реальность.

Я проснулась от солнечных лучей, нагло щекотавших ресницы, потянулась на кровати, разочарованно увидев, что Артёма нет. Позвала его, но он не отзывался – значит, вышел куда-то, пока я спала. Подошла к зеркалу и едва не ахнула, увидев опухшие от поцелуев губы, засосы на шее, на ключицах, и я касаюсь их кончиками пальцев, закрывая глаза и представляя на себе его рот. У моего счастья полупьяный взгляд и растрепанные волосы, в которые он то зарывался пальцами, то наматывал их на ладонь, доводя до исступления чувствовать его везде на себе. Подошла к своей сумке, доставая расческу. Повертела в руках телефон, раздумывая, стоит ли включать, и решила, что быстро проверю сообщения и тут же выключу до прихода Артема. Он запретил мне его включать, а, впрочем, я и сама и не хотела делать этого, понимая, что сразу окунусь в ту реальность, что за границами нашей сказки. Слишком мрачную, слишком непримиримую и наполненную злостью и разочарованием.

А ещё я боялась. Я до жути боялась прочитать свой приговор, вынесенный родителями. Но и молчать уже двое суток... Стоило впустить в голову мысли об этом, как начинало сжиматься сердце от предчувствия тревоги и вернувшегося чувства вины. Я всего лишь напишу маме, что со мной всё нормально. Пусть она возненавидела меня после записки, оставленной на моей кровати, но я знала свою мать: для неё моё молчание – худшее предательство, чем побег.

Десятки пропущенных звонков от неё. Каждый – словно стрела, выпущенная вдогонку и сейчас достигшая цели, вспарывает кожу, вонзаясь острыми наконечниками прямо в кости. И как молчаливое осуждение и проклятье – отсутствие звонков от отца. Ни одного. Будто ему больше незачем звонить мне.

«Меня это уже не касается, но я обещал тебе. Отец достал у ментов. Они нашли ее на месте убийства Артура».

Сообщение от Гранта. Он прислал его еще вчера вечером. Я открыла изображения, присланные им, и почувствовала, как начинаю задыхаться. Как забивается в ноздри и в рот нежелание поверить своим глазам. Оно слишком вязкое: ни проглотить, ни выплюнуть, будто залепило глотку и не дает сделать даже вдоха. Я сжимаю ладонью шею, а мне хочется разодрать ее ногтями, чтобы почувствовать ту боль, которая взорвалась внутри при первом же взгляде на такую знакомую золотую цепь с крестом, валяющуюся возле изуродованного тела моего брата.

И в голове вспышкой воспоминания.

«– Ты перестал носить цепь?»

– Цепь? – и его взгляд меняется, тяжелеет, он стискивает челюсти, – да там замок сломался, починить надо.

– Ну да. А знакомого ювелира у тебя же нет, Артем?»

Он смеется и прижимает меня к себе, накрывает мои губы своими, и я забываю обо всём... Как каждый раз, когда он меня целует. А он не целовал – он рот мне затыкал таким способом. Чтобы вопросов не задавала лишних.

Обхватила себя за плечи и отрицательно мотнула головой. Самой себе. Мне нужно успокоиться. Это ложь, Нарине. Потому что это совпадение. Они подбросили его цепь туда. Грант сам и подбросил, потому что Тёма не мог. Это его мелочная месть. Тёма бы никогда не поступил так с Артуром, с моим отцом. Никогда не поступил бы так со мной.

Телефон зажужжал снова, провела пальцем по экрану и охнула от той боли, которая ударила в солнечное сплетение. Согнулась пополам и снова пытаюсь вздохнуть, а мне грудную клетку будто разрывает в агонии, отсчитываю мысленно про себя удары сердца, а оно с каждой секундой всё медленнее. Только не останавливается, проклятое, всё стучит и стучит, и в ушах его стук набатом отдается. А я снова и снова прокручиваю видео с камеры наблюдения, где Артем стоит, нагнувшись над телом Артура, а потом прячет пистолет за спину и убегает. Еще раз сквозь слезы, пытаюсь убедить себя, что это не он. Кто угодно в такой же кожаной куртке и с такой же стрижкой. Как же хочется иногда душу продать за ложь. Только бы эта ложь осталась с нами и не смела разбить вдребезги те иллюзии, которые мы сами себе нарисовали.

Еще одно сообщение от Гранта, и мне уже страшно открыть его. Страшно до жути почувствовать еще одно лезвие в сердце. И каждое следующее вонзается всё глубже и глубже. Непослушными пальцами щелкнуть на уведомление и в облегчении закрыть глаза. Просто текст. Я даже не пытаюсь понять смысл этих слов, вчитываюсь в них, а перед глазами всё еще тот самый кадр и взгляд Артура, безжизненный и пустой.

«Я думаю, он тебя уже поймел, Нара. Убийца твоего брата».

Глава 1. Нарине

– Нар, хватит прихорашиваться, пошли уже, можно подумать, тебя там любовь всей твоей жизни ждёт.

– Любовь всей моей жизни меня дома ждет, и, – последний взмах тушью для глаз, и обязательно похлопать ресничками, улыбнувшись, когда Аня закатила глаза, – если я через час не предстану перед его темными очами, нам влетит обеим, Ань. Да так, что никто не позавидует. Ты же знаешь моего отца.

– Так давай уже, оторвись от зеркала, – подруга буквально вытолкнула меня за талию из туалета кафе, не забыв контрольным взмахом изящной ладони поправить светлую чёлку.

Мы вышли на улицу, я вдохнула полной грудью свежий осенний воздух и засмеялась, когда Аня чертыхнулась, попав прямо в лужу носком замшевой туфли. Анна Егорова – моя самая близкая подруга еще со школьных времен.

Она ненавидела осень, говорила, что это время года навевает на нее скуку и чувство обреченности, словно конец всему хорошему, что может быть. А я могла подолгу смотреть в пасмурное осеннее небо, уже покрытое тяжёлыми облаками, но всё еще играющее в прятки с солнцем, острыми лучами прорезающим причудливые фигуры на тёмно-сером полотне. Мне нравилось наблюдать, как ветер срывает пожелтевшие сухие листья, гоняя их над землей, чтобы после бросить под ноги, дополняя новыми штрихами заботливо вытканый пестрый ковер.

– Ненавижу осень. Чёрт! Слякоть эту...

– И весной – слякоть, а зимой – сугробы, а летом ты от жары стонешь. Ань, ты посмотри, как красиво и как вкусно пахнет надвигающимся дождем.

– Дождь – это зло. Он определенно пахнет мокрыми ногами, соплями и кашлем. Нар, ты куда пошла? Ты Гранту звонила? – Девушка остановилась, как вкопанная, оглядываясь в поисках моей машины.

– В него сзади врезались где-то в центре. Позвонил и сказал самой добираться. Давай сейчас в магазин быстренько забежим, и я такси вызову.

– Какой магазин, Нарин? Тебе отец сказал, во сколько приехать? Он уже раза три позвонил с того момента, как мы в кафе зашли.

Аня как-то призналась, что боится моего отца. Нет, он всегда был приветливым с моими друзьями, всегда интересовался о здоровье их родителей, вообще предпочитал узнавать поближе тех, с кем я начинала тесно общаться, мама всегда с большим гостеприимством принимала наших с братом знакомых, они могли оставаться у нас и на неделю, и на две. Никаких запретов на общение и дружбу. С одним «НО» – всего этого нельзя было делать мне. Ходить в гости – пожалуйста, но ночевать я должна была только в доме своего отца, конечно, исключение составляли близкие родственники. И именно это Аню настораживало.

«Твой отец не доверяет тебе или нам?», – интересовалась она у меня, а я не знала, как ответить, чтобы не обидеть ее. Потому что мне отец доверял безоговорочно.

Говорят, что каждый мужчина мечтает о сыне, который продолжит его род и его дело. И это вполне логично. Вот только ласку и любовь отца всё же отдают больше дочерям, не стесняясь показывать ее. И мой отец никогда и ни от кого не скрывал этой своей любви ко мне, позволяя почти всё, что допустимо в рамках его понятий о приличиях и моей безопасности. Моим друзьям казалось диким, что взрослая совершеннолетняя девушка, студентка третьего курса должна была отпрашиваться по телефону на вечерние прогулки после пар по городу или походы в кафе. Отпрашиваться, приводя полный список тех, с кем идет. И обязательно соблюдая своеобразный комендантский час: даже если я ездила на день рождения подруги

одна, то должна была вернуться домой не позднее девяти часов вечера. Им это казалось кому-то диким, кому-то неприемлемым или же смешным. Я же видела в этом настоящее проявление заботы и любви. И, помимо этого, у нас так принято, свои понятия и законы. Девушка должна вести себя прилично, и я привыкла эти законы соблюдать, чего ожидала и от тех людей, с кем общалась. Если не понимания, то хотя бы уважения к нашим обычаям. Аня уважала, и я искренне ее любила за это, как и мои родители.

А вообще я всегда считала, как это наивно думать, что человек, который дает вам абсолютную свободу, любит вас. Скорее всего, вы просто безразличны ему. И еще я понимала, кто мой отец, знала о его конкурентах и рисках, связанных с его бизнесом. Он владелец сети ювелирных магазинов в городе и области, и если золото и драгоценные камни в таких масштабах у вас ассоциируются только с красотой, то вы определенно ничего не понимаете в ювелирном деле. Это тяжелый и кропотливый труд многих и многих людей. Это оголенные нервы и сорванные сделки на закупку материалов, многоходовые операции с грузами и махинации с таможеней. А еще это конкуренция. Жесткая и не всегда честная, причем с обеих сторон.

– В сувенирный. У Артура ж День Рождения через неделю.

– Помирилась с ним?

Аня поинтересовалась деланно-отстраненно, но мы обе знали, что ей не все равно. Ей нравился мой брат. Давно нравился. Очень нравился. Но мы старались не обсуждать это момент, так как у Артура была невеста из нашего круга. Армянка. Ане с ним ничего не светило. Да и она нашла себе парня.

– Мы же родные. Нам не нужно мириться, чтобы после даже крупной ссоры целовать друг друга как ни в чём не бывало.

– Значит, тебя без проблем отпустят к моим на дачу? – Её неверие в голосе абсолютно естественно. Мы обе знали, что с ночевкой не отпустят. Но она была обязана спросить, а я – вежливо отказаться.

– Нет, спасибо, милая, ты же знаешь, что нет. Но я забегу к тебе с утра и обязательно поздравлю мою девочку с покупкой машины.

– Так ты с Грантом приезжай. Хочешь, я сама его приглашу?

– Даже с Грантом меня на все выходные к тебе не отпустят.

– Как можно не доверять жениху собственной дочери? Замуж же они тебя за него отдадут?

– Вот именно. Доверяют настолько, чтобы отдать замуж, но не настолько, чтобы позволить ночевать где-то вне дома с ним до замужества.

– Да-да-да... То самое условие о девственности! Подумать только!

Она резко остановилась, снова демонстративно закатывая глаза, от чего меня опять на смех пробрало.

– Ну девственность знаешь ли только физический фактор.

– Ну да, ханжой тебя точно не назовешь.

Теперь мы смеялись обе. Совсем скоро приехали к торговому центру, и я растерянно оглядывала витрины, думая о том, что вообще можно подарить горячо любимому старшему брату, которого периодически хочется придушить собственноручно.

Впрочем, у нас эти чувства были абсолютно взаимны и незыблемы. Брат был моей опорой и той самой стеной, за которой я могла спрятаться с самого детства, мой персональный защитник, которого боялись все окрестные мальчишки. А когда вырос – мужчиной, которым я, несомненно, гордилась, ехидно наблюдая за тем, каким взглядом его провожают девушки.

Анна выпорхнула из магазина, поцеловав на прощание, когда подъехал ее парень, а я всё еще не могла решить, что именно купить. Взглянула мельком на телефон и охнула, поняв, что он разряжен. Черт, такси вызвать не смогу, придется так ловить. Остановила свой выбор на большом фотоальбоме в виде старинного фолианта – наклею туда его особенно провокацион-

ные детские фотографии и подарю. Оплатив покупку, я вышла из магазина и пошла в сторону дороги.

Я не поняла, как они оказались передо мной, выросли будто стена. Трое парней в кожаных куртках и черных берцах. Все коротко стриженные и с наглыми ухмылками на лицах. Один из них подтолкнул меня плечом, а когда я попробовала прошмыгнуть между ними, удержал за локоть.

– Смотри, Фюрер, это кто там идет? – Кивнул на меня одному из своих дружков. – Маленькая черная шалава ищет, кому дать. Не побрезгуешь? Потом член в хлорке мыть придется.

Второй противно засмеялся, и шагнул ко мне.

– Не придется. У меня на этих чурок уже иммунитет выработался. Это они с виду такие скромные, а когда их раком ставишь, то каждая вторая шлюхой оказывается. Завывают на своем, наверное, Аллаха своего благодарят за настоящий русский член.

Я сжалась, отступая назад и холодея от ужаса, но подонок грубо сжал руку, не давая отстраниться.

– Отпусти, – я вскинула голову, оглядываясь по сторонам и вскрикнув, когда другой придвинулся так близко сзади, что я почувствовала спиной его грудь. Дернулась назад, свободной ладонью схватив первого за запястье удерживавшей меня руки. – Отпусти, я сказала.

– Или что? Пойдешь с нами. А будешь рыпаться, тварь, – первый склонился к моему лицу и оскалится, обдавая несвежим дыханием, – прямо тут тебя во все дыры отымеем.

Он резко дернул меня к себе и потащил куда-то в сторону. Я закричала, упираясь каблукками в асфальт и впиваясь ногтями ему в запястье. Бриоголовый резко зашипел и, повернувшись ко мне, ударил по лицу.

– Череп, давай быстрее, – стоявший сзади закрыл ладонью мне рот, перехватив огромной лапой за талию и не давая вырваться, – пока эта тварь тут цирк не устроила.

Я пыталась ударить их ногами, дергала локтями, чувствуя, как от ужаса сжимается сердце и накатывает приступ дикой паники. Лихорадочные мысли, от которых зашумело в висках, вспотели ладони и покатались слезы по щекам. Почему я не поехала с Аней? Почему задержалась дотемна?

Так просто не могло быть. Только не со мной. И не на центральной улице, где всё еще были прохожие. Но им наплевать на окружающих, они не смотрят по сторонам, а если и увидят, как трое здоровых парней тащат девушку, то всё равно не подойдет никто. Каждому из них своя шкура дороже. Вот так выглядит трусость. И для большинства лучше быть пусть и трусом, но живым.

Я не знаю, сколько времени это длилось, но закончилось всё неожиданно. Просто в один момент какой-то парень отшвырнул от меня того Черепа и одним ударом в голову отправил того в нокаут. А потом, когда он ударил второго по ноге, раздался характерный хруст кости, громкий крик, и ублюдок уже лежал на земле, схватившись за лодыжку и корчась от боли.

– Отвалили. Сейчас!

Парень держал пистолет у виска третьего подонка, примирительно поднявшего руки вверх. Тот кивнул, медленно отступая назад, а затем бросился бежать. А у меня от облегчения колени подкосились, и я прислонилась к дереву, чувствуя, как перехватило в горле и не отпускает, будто кто-то шею стиснул. И тут же чувство стыда появилось, будто в чан с грязной водой окунули, и грязь эта в легкие уже забивается, под ногти, в кожу впитывается. Никогда еще не чувствовала себя настолько униженной. Даже в детстве, когда с соседскими детьми ругались. С детьми, которые крали и отнимали мои игрушки и обувь, несмотря на то, что я отдала бы их добровольно, если бы они попросили. Но дети более жестоки, чем взрослые. Они предпочитали унижить нерусскую богатую девчонку, довести до слез оскорблениями и болез-

ненными тычками, показывая ее место. Зависть не имеет ни возраста, ни пола, ни национальности. Самое низкое чувство, на которое только способен человек. Потому что обнажает его низменные качества.

Глубоко вдыхаю, пытаюсь прийти в себя, глядя, как поворачивается ко мне неожиданный спаситель, на ствол, который сжимает сильными пальцами, на то, как прячет его за пояс. Протянул руку и поправил выбившуюся прядь волос мне за ухо.

– Чего одна по городу ходишь? Так и не научилась ничему за столько лет, мышка? Узнала меня?

Щёлкнул меня по носу, а я глаза прикрыла, не веря, что всё закончилось.

Конечно, узнала. Не могла не узнать, несмотря на то, что столько лет прошло. Только не его. Не того, с кем в детстве была ближе, чем с родным братом. Не того, в кого влюблена была той самой первой любовью, которая «один раз и на всю жизнь», но длится лишь до первого разочарования. Поправляет мне волосы за ухо, а я дрожь не могу унять от страха. Или от облегчения, я не знаю. Только чувствую, как меня не отпускает, продолжает колотить тело, и сердце заходится в беге. Смотрю в его глаза голубые, напряженные, но в самых уголках странный блеск, как когда-то... Изменился и всё равно тот же. Только теперь уже взрослый мужчина с короткими светлыми волосами и резко очерченными скулами с плотно стиснутыми челюстями, а не мальчик с задорной залихватской улыбкой, от которой дух захватывало и тянуло непременно улыбнуться в ответ.

– Узнала... Тём.

В этот момент тот ублюдок, что на земле лежал, громко застонал, и я невольно придвинулась к Артему.

Он обнял за плечи, привлекая к себе, и я позволила себе на секунду просто уткнуться в его грудь лицом, как когда-то, вдохнуть его запах, смешанный с мужским парфюмом. Изменившийся, но несомненно его. Тот самый. Густой, обволакивающий, слегка пряный, от которого повело, будто от бокала вина.

– Пошли тут рядом есть кафе.

Он будто и не ждал моего согласия, всем своим видом показывая, что ему оно не требуется. Не давая времени даже на размышления.

А я лишь кивнула ему в спину, когда он просто молча пошёл вперед, удерживая меня за руку. Высокий, широкоплечий. Он всегда был выше меня. Хотя почти все мои знакомые были выше меня с моими ста шестидесятью сантиметрами.

Зашли в кафе, и Артем сразу повёл к дальнему столику возле стены. Отодвинул мой стул и, дождавшись, когда я сяду, сел напротив, стянув с себя куртку и повесив её на спинку стула.

– Так изменился, – улыбнулась, отметив про себя бицепсы, обтянутые рукавом черной кофты. Нет, не перекачанный, но и не худой, подтянутый, спортивный. И, как и тогда, излучающий невероятную уверенность в себе. Сел, сложив руки на стол перед собой, внимательно разглядывая меня, а я себя вдруг как-то неуютно ощутила. Облизнула пересохшие губы, чувствуя, как в горле пересохло от взгляда этого изучающего, и в то же время, наконец, перестало трясти. Рядом с ним я всегда успокаивалась. Оказывается, я не утратила эту привычку.

– Я... Спасибо. Ты снова сделал это.

– Это моя карма – спасти принцессу от троллей, – он усмехнулся и бросил взгляд на мои руки, на кольцо, на платье с закрытым верхом. А я вдруг смутилась, чувствуя желание прикрыться руками.

– Чем занимаешься в жизни, мышка? Нашла себя? Как мать с отцом и братья?

Засмеялась и застыла, не заметив признаков веселья в его глазах. По-прежнему напряженные, серьезные. Он всегда умел смотреть так, будто видел человека изнутри, словно самую душу видел. А мне захотелось ответить ему, что да, нашла себя. Особенно после того, как потеряла его. С тех пор я ведь не была ни с кем настолько близка, как с ним.

Его внезапный отъезд научил тому, что нельзя привязываться к людям, если уже не связан с ними родственными узами. Нельзя привыкать. Нельзя любить. Все рано или поздно предадут, бросают, уходят, исчезают. Никто и никогда не останется рядом навечно. Все это пафос и пустые обещания, но маленькая мышка верила, что её не бросят. Да и как не верить. Если он был рядом ...если обещал.

«Это навсегда, понимаешь? Навсегда ты и я. Никто нас не сможет разлучить, Нар, я клянусь». И сам же эту клятву и нарушил. Просто взял и уехал. Без объяснений. Не попрощавшись. На секунду внутри защемило, как и несколько лет назад и отпустило.

Эта его «мышка». Внутри всколыхнулось чувство нежности. Он всегда меня так называл. Вначале это злило, а потом я уже не могла уснуть без его «спокойной ночи, мышка».

Пожала плечами, откидываясь на спинку стула.

– Всё до ужаса скучно: у меня учеба в университете, родители хорошо, спасибо. Папа занимается тем же, что и всегда, Артур работает с ним, управляет одним из магазинов. А ты? Ты пропал так неожиданно тогда.

Прикусила губу, ругая себя мысленно за то, что проговорилась. Вспоминая, как ждала его каждый день, не веря, что мог уехать, даже не попрощавшись. Когда поняла, что съехали из квартиры своей стала ждать его на нашем месте. Но он так и не появился больше. Зато появилась обида, грызущая боль от того, что не нашел нужным даже попрощаться напоследок.

– Работаешь? Жена? Дети?

– Не работаю, не женат... насчет детей не уверен, – усмехнулся и взглянул на официантку, которая принесла нам чай, кофе и вафли в шоколаде.

– Я как с армии вернулся, в охране работал. Фирма закрылась. Так что сейчас на вольных хлебах. По жизни умею только кулаками махать и стрелять на поражение.

Снова эта его усмешка, от которой дух захватывает и дышать становится больно. Она тоже не изменилась и в то же время стала какой-то другой. Как и он сам, впрочем. В голосе, в движениях, во взгляде цинизм какой-то появился. То, чего в нем не было никогда.

Отпила горячий чай, прикрыв глаза от удовольствия. Сжала пальцы, поймав себя на мысли, что странно радуясь тому, что он не женат, будто это касается меня сейчас.

– Иногда и этим умениям можно найти достойное применение, – кивнула головой в сторону двери, – если бы не ты...

Взгляд зацепился за квадратные настенные часы.

– Боже, половина десятого! Тём, мне домой надо.

Вскочила и остановилась от внезапно пронзившей мысли.

– Проводишь меня? Сто лет не был у нас. Мама о тебе спрашивала тогда. Почему не появляешься.

Улыбнулся, но только улыбка у него получилась какая-то холодная, совершенно не его, чужая, от которой мороз по коже, и съёжиться хочется.

– Провожу. Скажи, мышка, твоя мама все еще печет на завтрак пахлаву?

Засмеялась и кивнула головой.

– Поехали, и ты сможешь попробовать пахлаву уже сегодня.

Повернулась к выходу, снова улыбнувшись, когда услышала звук отодвигаемого стула. Он раньше всегда говорил, что пойдет за мной куда угодно. Хотя бы ради того, чтобы защитить.

Возле самого входа повернулась к нему
– Скажи, Тём, почему всё еще мышка?

Он наконец рассмеялся. Вскинул бровь, демонстративно оглядывая меня снизу вверх и, придвинувшись вплотную, ответил:

– Потому что мне нравится так тебя называть, и еще просто потому что я соскучился по тебе. Говорю «мышка», и словно всех этих лет не было, поняла?

Приподнял мое лицо за подбородок, вглядываясь в глаза, а меня словно током ударило от этого прикосновения. Он шепчет, а я дыхание затаила, боясь упустить хоть слово.

– Совсем не изменилась... все такая же...

Провел большим пальцем по скуле, а мне до боли прижаться захотелось к его ладони. Но он тут же отнял руку и, склонившись к моему лицу, ухмыльнулся:

– Аж скулы свело от мыслей о пахлаве.

– Сволочь! – Ударила его сумочкой по руке и резко вышла из здания, пряча от него разочарование. – Между прочим, эту пахлаву пекла я, так что трижды подумай перед тем, как попробовать ее, – злорадно улыбнулась ему через плечо.

Пока ехали в машине, он расспрашивал меня об общих знакомых и о моих интересах, рассказывал забавные случаи о своей службе в армии, но большую часть времени мы оба молчали. Он о чем-то думал, постукивая пальцами по рулю в такт музыке, а я вспоминала. О том, как впервые встретила его. Он ведь и тогда спас меня от дворовых мальчишек, которые отняли у меня новый рюкзак и трепали за волосы, требуя деньги.

Позже я привыкну к такому отношению, научусь отвечать с достоинством на их оскорбления, где-то в глубине души пытаюсь оправдать их для себя. Если, конечно, можно оправдать ненависть к человеку не за его поступки, а за его цвет кожи или язык, на котором он говорит. А для этих детей дополнительным раздражителем было еще и финансовое положение моей семьи. Завод по производству холодильного оборудования недавно прикрыли, и их родители лишились работы и не могли позволить детям и четверти того, что было у меня. Еще одна причина для ненависти. Чужаки, жизнь которых удалась лучше на твоей собственной земле. Правда, вот у половины из этих детей отцы спились и днями напролёт канючили у местной аптекарши боярышник, не имея возможности купить даже бутылку водки, а мой отец пропадал на своей работе сутками, приезжая только пообедать. Он же, кстати, обеспечил работой часть соседей. Чем заработал еще большую ненависть у некоторых из них. Ведь одно дело, когда они не любили его за успешность, и совершенно другое – когда они становились зависимыми от него и не смели открыто выказать эту неприязнь.

Артем в тот день побил двоих, а остальных обратил в бегство, а потом вложил мне в руки куклу и сказал, чтобы больше не боялась, потому что теперь он будет меня защищать.

Я вспоминала о том, как пригласила к себе и смотрела, как он едва не с открытым ртом разглядывает наш дом, как стесняется садиться на светлый диван и отказывается пообедать с нами. Пока мой отец бесцеремонно не усадил его за стол рядом со мной. Так он стал приходить к нам сначала раз в неделю, а потом и почти каждый день. Худой мальчишка с уверенным недетским взглядом в свои четырнадцать лет настолько прочно вписался в нашу семью, что со временем стал ее частью.

Глава 2. Артём

Я ужасно хотел есть. До такой степени, что у меня желудок слипался, словно его суперклеем смазали или хорошенько поддали мне под дых, да так, что от боли я зубами скрежетал. Вы когда-нибудь голодали? Нет, по-настоящему не так, что три часа ничего не закидывали, а так, чтоб несколько суток? Голод – это не просто жестокая тварь, неееееет, это очень страшный хищник, способный трансформироваться из маленького грызуна в огромного монстра, который сожрёт в вас изнутри все человеческое. На каком-то этапе вы перестанете быть собой и будете готовы убивать или съесть даже себе подобного, и вас перестанут волновать принципы морали, совесть, законы, у вас появится только одна цель – поесть. Так задумано природой. И изначально никакой цивилизации не предполагалось, а предполагался естественный инстинкт выживания.

Я размышлял об этом, сидя за спортзалом и докуривая «бычки», выброшенные тут старшеклассниками. Говорят, курение притупляет голод. И оно притупляло, потому что начинало тошнить и есть уже не хотелось. И домой не хотелось. Потому что отец там был. После того, как завод закрыли, он беспробудно пил, избил мать и выгнал меня на улицу пару дней назад. Антон, мой старший брат, уехал в столицу на заработки год назад. Не знаю, что он там зарабатывал, но мы не видели ни его, ни денег. А вот из полиции к нам пару раз приходили – его искали. Отец орал, что отрекся от этого уголовника и что тюрьма по нему плачет, а он палец о палец не ударит ради него. Можно подумать, он мог ему чем-то помочь.

Я боялся вернуться. Нет, не потому что думал, что и мне достанется, а потому что мог сдачи дать. Да так дать, что и прибить ненароком. На бокс уже пять лет хожу.

После того, как отец в последний раз мне ребро сломал, в секцию пошел. Правда, потом он меня не трогал, несколько месяцев тогда не пил, плакал в больнице и прощения просил. Участкового мать уболтала дело закрыть и заявление забрала. «Куда ж?! Дитё отнимут и в детдом». Все ж лучше с родителями.

Угрызений совести у отца хватило до следующего запоя.

«Все так живут, – говорила мать смазывая мне очередную ссадину на лице, – твой батя найдет работу, и заживем мы припеваючи. Руки у него золотые, когда не пьет. Вот черная полоса закончится, и заживем нормально».

Ну да, и тяжелые, потому что золотые – золото ж тяжелое. Работу он больше не искал. Пару раз ездил в центр и возвращался пьяный ни с чем. Сказал, нет мест нигде. Я пытался сам где-то подработать, но куда возьмут четырнадцатилетнего подростка? Иногда на рынке ящики помогал таскать, полтинник домой приносил и матери втихаря отдавал, а батя отбирал на пузырь. Тогда я перестал отдавать, начал едой приносить. А месяц назад базар прикрыли, снесли там все и начали строить супермаркет на этом месте.

Черт, как же есть хочется. Желудок точно слипся за эти дни. Дома, наверное, мать супа сварила постного и макарон. Придется идти, иначе точно с голоду сдохну. Хотя меня никто особо не искал. Мама на фабрике по двенадцать часов вкалывала, домой придет, с отцом разругается и с ног спать валится. Не до меня ей. Долг выплачивать надо за Антона – она ссуду взяла, чтоб адвокату заплатить после того, как брата посадить хотели из-за какой-то драки. Она даже в город ездила, но так, чтоб отец не знал. Вернулась вся в слезах. Сказала, Антон домой ехать не думает, с какой-то бандой связался. Я б и сам в город съездил и накостылял бы старшему брату за то, что голодными нас оставил. Урод.

Сидел в траве и жевал спичку, спрятав в кармане еще несколько окурков, когда услышал девчачьи крики и голоса своих дружков-одноклассников.

– Эй, чурка, отдавай деньги. Куда собралась?

– Отпустите, у меня нет денег.

– Да ладно заливать! Мы видели, как ты в столовке кошелек достала. А там бабла вагон.

– Я все потратила.

– А мы шас проверим. Васька, а ну отбери у нее рюкзак.

– Только не рвите и не пачкайте, пожалуйста, мне его бабушка подарила.

– Твоя чумазая, страшная бабка? Это та, что в окно выглядывает и злыми глазами на нас смотрит? Ведьма старая. Вытряхивайте книги – будем ее рюкзаком в футбол играть.

– Не надооо, пожалуйста.

– Заткнись, чурка!

Я поднялся с травы и выглянул из-за угла. Митька, Васька и Колька новенькую нерусскую с 7 «А» у забора зажали. Васька её за волосы трепал, а Митька все книги из красивого сиреневого рюкзака вытряс и швырнул его в грязь. Колька поддел носком дырявого мокасины и пнул рюкзак на несколько метров воздух.

– Где деньги, уродина пучеглазая? Деньги где?

– Я отдала, – девчонка подбородок вздернула, хоть и слезы по щекам катятся, – а у вас что, своих нет? Вы нищие?

– Ах ты ж, сучка черножопая, это кого ты нищими назвала?! – Митька замахнулся, и я сам не понял, как подскочил к нему и вывернул ему руку за спину.

– Совсем сдурел, Малой? Девчонку не трогай. Она ж мелкая.

– Капрал, ты ж типа прогуливаешь, – он криво усмехнулся, – вот и топай отсюда, это наше дело.

– Неужели?! Не указывай мне, понял?

– А ты, типа добрым заделался или чурок любишь? Пацаны, Капралу чурки нравятся, видали? Запал что ли на нее?! Ни рожи, ни кожи! Твой брат, слышал, там в Москве мочит таких, как она, а ты слюни распустил с соплями. Девочкууу жалко.

Когда я голодный – я злой. Очень-очень злой, и у меня лицо Митьки начало перед глазами расплываться. Сам не понял, как в нос ему зарядил.

– Ты чего, Капрал, вообще охренел?

Он кинулся на меня и ударил кулаком в глаз. Я почувствовал, как кожа возле виска лопнула, и кровь по щеке потекла. У меня планки сразу сорвало, на тренировках так тоже бывало, если в голову дадут, у меня крышу сносит. Я в себя пришел, когда меня от него Васька с Коляном оттягивали, а я, тяжело дыша, продолжал кулаками махать, все костяшки об его челюсть сбил.

– Убьешь, Капрал, охренел совсем!

– Тихо, Тёма, тихо, – Васька Митьку под мышки подхватил, – мы пошутили. Так, подразнили чуток. На хрен она нам сдалась?

– Друга за суку черножопую бить. – взвыл Митька, вытирая лицо руками, выплевывая зуб сломанный, – Ты не друг – мразь ты!

– Пшел вон! – зашипел я, смахивая кровь с глаза рукавом рубашки. – Давай! Вали! Пока зубы все не повыбивал. Друг, бля! Когда меня спалил перед ментами, тоже другом был?

– Все. Валим отсюда. А тебя, тварь, я еще встречу саму – пожалеешь, что на свет родилась.

– Не встретишь, – сказал я вдогонку, трогая пальцем рану над левым глазом. Бровь мне рассек, ублюдок.

Они ушли, а я к девчонке повернулся. Она в забор вжалась, слезы по щекам размазывает и глазами огромными на меня смотрит. Маленькая такая, худенькая, как тростинка. Мне показалось, что на её треугольном лице только глаза эти и видно. Бархатные, темно-карие с поволокой и ресницы длинные, мокрые. Я наклонился и рюкзак её поднял, отряхнул от грязи, она начала учебники собирать, руки с тоненькими пальчиками дрожат, и книги из них выпа-

дают обратно, она всхлипывает, торопится. Я сам все учебники собрал, в рюкзак засунул и руку ей подал.

– Что затаилась, какмышь? Вставай. Домой провожу. Только не реви. Терпеть не могу, когда девчонки режут.

– Не буду.

– Что?

– Не буду реветь, – тихо сказала она и слезы ладошками вытирает. Когда встала, на полторы головы меньше меня оказалась. Платье поправляет, а в косах трава запуталась, и пряди на лицо падают. Перепуганная, дрожит вся. Не привыкла, видать, к такому. И внутри появилось какое-то паршивое ощущение, что придется привыкать.

– Так что, Артем? Что скажешь? – голос Карена, отца Нари, выдернул из воспоминаний, и я поднял на него взгляд. За эти годы он почти не изменился – такой же представительный, властный, спокойный и доброжелательный. Впрочем, это спокойствие напускное. Я знал об этом человеке достаточно, чтобы понимать, на что он способен и что скрывается под этим спокойствием.

Покровительственный тон слегка раздражал, но мне было нужно именно такое отношение. Я на это и рассчитывал. Для него я так и остался русским мальчиком, который когда-то его дочь защитил от ублюдков – расистов и который дружил с ней несколько лет, за что он мне и отплатил... ножом в спину. Всей моей семье.

Предложение Карена было для меня неожиданным. Точнее, я этого хотел, но не думал, что мне подфартит так быстро. Я вообще был не сосредоточен сейчас на его предложении, потому что упустил одну важную деталь. То ли не учел, то ли помыслить не хотел в этом направлении. Я выучил все, что касалось её семьи. Чем дышала за последние годы, какие дела проворачивала, у кого и что отжала. Но я не учел, что один из партнеров Карена Сафаряна может быть так же и женихом его дочери. Не рассматривал его в таком ракурсе, а должен был, особенно учитывая тесное общение обеих семей и общие дела.

А сейчас смотрел, как Нари в коридор вышла с Грантом своим, что-то говорит ему на армянском очень тихо. Грант Гаспарян – невысокий, коренастый, накачанный брюнет с большими, живыми глазами. Квадратное лицо с синеватой щетиной скорее было отталкивающим, чем привлекательным. Модный элегантный костюм не особо ему шёл, словно на бойцовскую собаку надели банты и рюшки. Я знал, чем он занимается и чем занималась его семья в свое время. Да, я его изучил тоже, но не как потенциального соперника. Это и было моим упущением.

Судя по тому, как уверенно ведет себя с ней, они давно в близких отношениях, и он вхож в этот дом не только как партнер её отца. Его явно ждали к ужину, потому что мать Нари тут же начала его обхаживать и суетиться.

Грант – имя какое-то собачье. Он меня взбесил, как только вошел со своим букетиком орхидей. Дорого, стильно, конечно. Только она, Пес, розы красные любит. Да, банально. Но тем не менее.

Смотрит на нее так, словно сожрать готов и притом с полной уверенностью, что в ближайшее время сожрет. Я бросал украдкой взгляды то на нее, то на него, и пальцы все сильнее сжимали бокал с вином. Насколько у них все далеко зашло? Она его любит? Или просто принимает ухаживания? Сам не понимал, ревную или злюсь, потому что он может испортить мне все планы, но, когда Пес тронул её волосы, меня аж дернуло, и я раздавил бокал. Захотелось руку ему сломать. Я даже мысленно услышал хруст костей. Когда-нибудь это желание исполнится. Я не привык себе в чем-то отказывать.

Бокал лопнул, и мама Нари тут же засуетилась, за бинтом и перекисью побежала. Когда вернулась, я уже вытер кровь салфеткой и сдержанно поблагодарил её за заботу, извинился за разбитый бокал. Она тут же сказала, что я не виноват, и бокал, наверняка, был треснутым. Мужчины вообще не отреагировали на происшествие, они продолжали есть. С братом Нари, Артуром, мы никогда не были друзьями, скорее, с некоторых пор, наоборот... и я видел, что мое появление его явно не обрадовало. Ничего, я всем вам понравлюсь. Моя рожа располагает, а моя биография настолько кристально чиста, что ей позавидует святой апостол. Ну что, поиграем в мою игру? Я для каждого из вас расписал сценарии, притом с разными сюжетными линиями, но без хэппи энда.

Встал из-за стола и обернулся к Карену.

– Я подумаю над вашим предложением. Мне пора. Было приятно встретиться через столько лет.

– А как родители, Артем? Ты ничего о них не рассказывал.

Я поморщился... вот о чем мне хотелось говорить меньше всего, так это о семье, которую эта мразь разрушила. Мог бы, отрезал бы ему язык только за один этот вопрос.

– Отец умер три года назад. Я еще в армии был. Брат погиб. Мать со мной живет.

Тот сочувствующе кивал головой, но в глазах не отразилось ни одной эмоции. Плевать он хотел на мои проблемы. Впрочем, как и я на его... они у него обязательно очень скоро появятся. Он даже не предполагает, насколько скоро и что я собрался у него отобрать. За все в жизни надо платить по счетам.

– Мне очень жаль. Но жизнь продолжается. Ты молодец, что о матери заботишься.

Тварь! Из-за тебя моя мать парализована и прикована к постели. Но ты этого, конечно, не знаешь. Тебя такие мелочи никогда не волновали. Ты даже ими не интересовался. Кто ты, а кто она. Но в жизни все так быстро меняется, Карен Сафарян. По щелчку пальцев. Как и твоя изменилась сегодня. В тот момент, как твоя дочь привела меня в этот дом. Очень скоро ты проклянешь этот день.

– Подумай, Артем, насчет работы. Если денег мало, скажи – дам больше.

Не стесняйся.

Как с бедным родственником со мной, аж покорило. Передернуло всего.

Я поблагодарил Лусине за ужин, а Пес с Нари как раз вернулись, но, когда мышка поняла, что я ухожу, она не села обратно за стол.

– Я провожу.

Бросила тревожный взгляд на Гранта и на меня посмотрела.

– Проводи, милая, – сказала мать и принялась подсыпать Псу что-то в тарелку. Но тот сверлил её злым взглядом, он явно не одобрял её энтузиазм. Мог бы – запретил бы провожать, но не у себя он дома и прав пока никаких не имеет. ПОКА.

Я набросил куртку и вышел на крыльцо. Нарине следом за мной. Обернулся к ней, ущипнул за щеку двумя пальцами, потрепал, а хотелось костяшками провести по гладкой скуле, губы пальцем погладить, убеждаясь, что они такие же мягкие, как и когда-то. Но я еще успею и не только в этом. Никто и никуда не спешит.

– Спасибо, мышка, накормила одинокого и бесхозного друга детства, но мне пора уже. Было вкусно. Твоя пахлава лучше, чем у твоей мамы.

Она перехватила меня за запястье и приподнялась на носочки, заглядывая в глаза:

– Ты недоволен? Вы разве не договорились с папой?

Меня как током ударило. Я в глаза её впился взглядом... Неужели все еще чувствует меня? Как раньше... Моя мышка всегда знала, в каком я настроении и что не договорил. Когда-то меня это с ума сводило... а сейчас... сейчас я должен был это использовать. Только башку начало сносить от её близости и от запаха, от взгляда влажного, от маленькой упругой груди под скромным платьем и выпирающих ключиц. Вспомнил, какая она была наощупь, когда пер-

вый раз ласкал, преодолевая сопротивление и смущение, как сосок в ладонь колотил и как она шептала «не надо, Тёёём, пожалуйста», а сама губы подставляла под поцелуи и прогибалась навстречу. От воспоминаний в паху больно прострелило возбуждением.

– Почему недоволен? Я доволен тем, что встретил тебя сегодня, – резко наклонился к ней, втягивая запах темных волос, подавляя бешеное желание тронуть их пальцами, – от тебя все так же пахнет сладким, мышка. Сильно пахнет.

От неожиданности она отпрянула назад:

– Мне показалось, что ты расстроен. Или зол. Но я рада, если это не так, – пожала плечами, – ты принял предложение отца? И, Тём, – шагнула ко мне, не оглянувшись на зов Гранта, – чем таким сладким?

Инстинктивно приняла игру. Подхватила мгновенно, как и раньше. Скорее, даже не понимает сама, что уже играем, и глаза заблестели. Черти в них. Когда-то я с ума сходил от каждого её взгляда, от реакции на меня, и сейчас, кажется, ничего не изменилось. Притом у обоих. Наверное, это хорошо. На руку мне. Не ожидал просто, что все помнит. Думал, будет сложнее, думал, изменилась, стала такой же, как её лицемерное семейство. В глаза одно, а за спиной нож точат, чтобы вогнать поглубже. Одной рукой дать что-то, а другой сердце выдернуть.

– Прошлым, маленькая. Ты пахнешь нашим прошлым, – прошептал и всё же тронул её волосы, пропустил между пальцами, – скажи мне ты, я принял его предложение? Да или нет?

Она прикрыла глаза, улыбаясь.

– Я думаю, принял. Тебе ведь нужна... работа?

Сзади шаги послышались, и Нари тут же отстранилась от меня.

– И ты правильно сделал. Я очень рада этому. И еще, Тём, – шаг назад и тихим шепотом, – прошлое тем и ценно, что его время уже прошло.

Бойтся своего. Даже побледнела слегка. Внутри засадило от понимания, что там все серьезно. На публику для него играет. Играй, девочка. Это ведь ненадолго. Взял её за руку и затащил за угол дома.

– Кто сказал, что оно прошло? Кстати, а зачем тебе охрана? У тебя имеется. Прямо цербер. Принял или нет, сама решишь. Позвонишь мне, как надумаешь. Номер диктуй.

Достал сотовый и приготовился записывать.

– С ума сошёл, Капралов?!

Отдернула руку, а улыбку спрятать не успела.

– Ну он мой жених. Ему и пристало охранять меня. Просто Грант надолго уезжает... И мне не надо думать. Я соскучилась, Артём, – я резко вскинул голову, и Нари быстро добавила, – по детству нашему соскучилась

– Номер диктуй, мышка. Давай, пока твой цербер истерику не устроил.

– Он не устраивает истерик, Капралов. МОЙ Цербер сразу кусает... имей в виду.

Вспышка ярости внутри. Яркая, ослепительно-красная. ЕЁ! Даже так, девочка? Твой Цербер, еще и показываешь мне, насколько опасный. За меня боишься или предостерегаешь? Если он кусает, то я выжираю печень и жду, пока жертва не сдохнет у меня на глазах в страшных мучениях, или перегрызаю глотку, маленькая. Просто не знаешь, насколько опасен я сам, а мне пока и не надо. Живи в своих розовых мечтах, катайся на радуге с единорогами и считай меня милым мальчиком из детства, пока я буду разрушать до основания твою жизнь.

– Да что ты, девочка? Страшный-страшный цербер? Ясно. Но у меня уже есть прививка от бешенства.

Набрал ее и тут же отключился.

– Да или нет, Нари. Буду ждать. Церберу привет.

– Признайся, Капралов, просто хочешь мой голос услышать?

Из-за угла Грант её появился, зыркнул на меня зло, и она быстро пошла к нему.

– До встречи, Артём.

Усмехнулся, ныряя в машину, включая музыку на весь салон и тут же кивая головой в такт первым аккордам «Du hast»*1, закуривая сигарету и проводя рукой по голове, по коротко стриженным волосам. Непривычно. Раньше полностью сбрасывал. Но сейчас нельзя, представление требует дресс-кода. Взял сотовый, подписал её номер и нагло отщелкал ей смс.

"Конечно"

Затем набрал еще одно смс и отправил уже по другому номеру:

«Все идет по плану. Ключнули».

Сделал музыку еще громче и вырулил на дорогу, рванул прямо в центр, где ярко пестрели вывески увеселительных заведений. Мне нужно расслабиться, а для этой цели подойдет только одно – секс. Быстрый, грязный секс без обязательств, желательно со смуглой и кареглазой шлюхой.

Глава 3. Карен, Нарине

Карен Арамович спокойно выпускал кольца дыма, откинувшись на спинку кожаного кресла и глядя, как будущий зять нервно меряет шагами его кабинет. Он лениво оглядывал темные стены, увешанные работами знаменитых армянских художников с изображениями величественного Арарата, вершина которого неизменно утопала в облаках, и дарующих успокоение только одним своим видом древних армянских храмов. Давно он всё же не был на Родине – дела не пускали, то одна проблема, то вторая, требующие его постоянно присутствия в России. Но ведь сердце не обманешь. Смотрел на фотографии с родных мест и чувствовал, как втрое учащенно начинает биться мотор в груди, как сжимает душу черная тоска. Если бы не новое предприятие, плюнул бы на всё и уехал на месяц-другой, посетил бы могилы отца и братьев, повидал бы старую мать. Она при каждом видеозвонке сетует на то, что по сыну соскучилась. И пусть он отправляет каждый год жену с дочкой к ней, но всё это не то.

Грант наконец уселся, и Сафарян недовольно поморщился, поняв, что завидует парню, который уже завтра спустится с трапа самолета в Ереване.

*1 – Песня группы «Rammstein»

– Успокойся, сынок, и подумай трезво, отбросив всякие глупости. Я своего решения всё равно не поменяю, а ты переживать зря будешь.

– Карен, как успокоиться? Ты за меня решил приставить к моей же невесте мужика левого, а мне спокойным быть?

– Не так, Грант джан, не так. Я не мужика левого, а телохранителя решил приставить. И не к твоей невесте, а к дочери своей. И пока еще она под музыку из моего дома с тобой не выходила...

Зять челюсти стиснул, но замолчал. Вцепился пальцами в край стола и продолжил сверлить взглядом. Не привык, что Карен с ним таким тоном разговаривает. Его в этом доме всегда принимали как родного и всегда с уважением относились, еще до того, как он за Нарине ухаживать стал. Но раньше и повода у будущего тестя не было ставить поклонника дочери на место. Помолвка помолвкой, но пока она под крышей Карена засыпает, только ему и принимать любые решения. Пусть даже нравится ему будущий родственник. Хороший парень, с царем в голове, как говорится. Уравновешенный, трезвомыслящий, с поддержкой папы своего, близкого друга Сафаряна, многого добился к своим тридцати годам. Не пропил, не прокутил родительский капитал, а всячески старается увеличить его. Такому не страшно дочь в жены отдать и видеть отцом своих внуков.

– А мне как уезжать сейчас, зная, что Нара каждый день с этим будет? Что мне думать об этом?

– Послушай, сынок, ты можешь думать, что угодно, я в своей дочери уверен.

– А в нем? – Грант перегнулся через стол и едва не зашипел, – в этом ублюдке русском ты тоже уверен?

– Я его с детства знаю. Он неплохой малый, поверь мне. И я уже приказал разузнать о нём всё, так что не переживай.

Конечно, приказал. Он в последнее время даже тени своей перестал доверять. Тем более в вопросах безопасности детей. Но Гриша всё обязательно раскопает про паренька. Вчера, может, и поторопился Карен с предложением работы. Но, видит Бог, испугался он сильно при мысли о том, что могло с дочерью случиться.

Открылась дверь кабинета, и вошла Нарине с подносом. Улыбнулась, извиняясь за то, что прервала их разговор, и начала выкладывать на стол чашки кофе и тарелку с фруктами. Сафарян прикрыл глаза, любуясь изящными движениями дочери. Копия матери своей. Первая красавица института жила в столице, а он был обычным студентом из ближайшего села. За ней сыновья местных шишек ухаживали, предлагали руку и сердце. Куда ему, бедному парню, с ними тягаться было. Вот он и похитил возлюбленную. Увёз к себе в село. Потом долго родители её отказывались с дочерью мириться, несмотря на то, что без согласия он её выкрал. Только когда Артур родился, тесть смягчился и на крестины внука приехал.

Карен отвлекся от мыслей и перевел взгляд на парня перед собой и самодовольно улыбнулся. Странное всё же чувство иметь взрослую дочь: чувство, в котором переплетаются и отцовская гордость, и самая настоящая мужская ревность. Первое время злился вот от таких взглядов Гранта, жадных, откровенных, а после помолвки приучил всё же себя к мысли, что когда-нибудь дочь придется отпустить. И лучше всего в дом к мужчине, который будет не просто уважать ее семью, но и вот так сходить с ума по ней самой.

– Апрес, баликыс!*2

Дочка снова улыбнулась и, выразительно посмотрев на жениха, выпорхнула из комнаты. А Карен Арамович пригубил ароматный горький напиток и снова заговорил.

– Как мужчина я тебя понимаю, Грант. Возможно, я сам был бы против, если бы мой тесть нанял охранника для Лусине, когда я ухаживал за ней, – зять вскинулся воодушевленный, но Карен продолжил, пресекая любые слова движением ладони, – но мы жили тогда на Родине... Да и здесь в России тогда всё было по-другому.

Карен встал с кресла и шагнул к окну.

– Виген дочь с утра в университет сам лично отвез, днем с ней по телефону разговаривал и обсуждал планы на вечер, а вечером ему труп ее привезли, понимаешь? Оскверненный изуродованный труп дочери, с которой он несколько часов назад разговаривал. Ей даже восемнадцати не было. Какие-то мрази бритоголовые девочку убили только из-за национальности, понимаешь ты? Хотя откуда тебе понять? Пока сам отцом не станешь, не поймешь, как сердце замирает, когда ребенок из дома выходит, и забивается вновь, только когда он домой возвращается.

– Почему именно скинхеды? Может, конкуренты Петросяна? Он же как раз только сеть ресторанов открыл.

– А кто знает, Грант? Кто знает? Может, и из-за бизнеса. Но эти...ублюдки, – Сафарян стиснул кулаки, его голос звучал глухо, он до сих пор вспоминал бледное, посиневшее лицо девочки в морге, – они клеймо выжгли ей на лбу в виде свастики...а потом насильовали несколько часов. А вчера такие же нелюди напали на мою дочь! И если бы не Артём...

Карен резко развернулся к притихшему зятю:

– Мне плевать, кто: конкуренты, скинхеды или просто грабители...Мне плевать, что ты думаешь по этому поводу. Я еще два дня назад решил найти для Нарине телохранителя.

Пока смотрел, как рыдает, согнувшись над белой простыней его лучший друг, как лихорадочно целует холодную ладонь дочери, всхлипывая и взывая к ней. Пока успокаивал его безутешную жену, забившуюся в конвульсиях прямо на пороге дома, как только в глаза мужу посмотрела, дал себе слово, что с его детьми такого не произойдет.

Грант склонил голову, принимая свое поражение, но по тому, как заходили желваки на скулах, можно было понять, насколько тяжело это ему давалось.

– Ничего, сынок. Это временно. Закончишь все дела в Ереване, и хоть сам за ней хвостом ходи. – Карен потянулся к чашке и, снова глубоко вдохнув терпкий аромат, сменил тему, – Что там по поводу поставки?

Зять допил кофе и поставил чашку на стол.

– Два вагона должны уже завтра прибыть. Насчет Сингапурского пока молчат. Но утром Аник звонил, сказал, что максимум в течение недели решат вопрос. И он более чем уверен, что положительно. Осталось с таможней договориться, и всё.

– Таможню на меня оставишь. А экспорт?

– С экспортом отец уже всё наладил. Как они и запрашивали. Можешь быть спокоен, золото в сроки в Россию прибудет

– Молодец, Грант.

Карен встал и подошел к зятю, похлопал его по плечу.

– Смотрю на тебя и спокоен за Нару.

Он уже подходил к двери, когда услышал, как скрипнули ноги стула по паркету.

– Карен, а как насчет Чижова?

– Молчит, тварь? Не колется?

– Не колется. Вчера орал что-то, к Богу и матери взывал, когда ему ногти вырывали, но не палит имена. Сам говорить с ним будешь?

– Значит, боится мразей своих больше нас. Идиот. Ну что же, – Карен пожал плечами и взялся за позолоченную ручку двери, – умирать-то один раз. Он сам сделал свой выбор, когда прошлую партию ментам сдал. Еще денек пусть его попрессуют, не расколется – пристрелите его и со спокойной душой можешь улетать, сынок.

Я уже с полчаса вертела в руках телефон, думая о том, звонить, или он всё еще может спать. Набрала сообщение, но тут же стерла его. Если Артём спит, его не разбудить пушечным выстрелом, не то что звуком смски. Правда, мне всегда удавалось это другим способом. Хотя кто знает, какой он сейчас. Наверняка, изменился. Одернула себя мысленно, почему я решила, что знала его раньше? Мы знаем только свои иллюзии о человеке, но не его самого. Тот Артём, с которым я дружила и в которого была влюблена той самой первой любовью, не мог уехать без объяснений в неизвестность. Не мог не попрощаться и не сказать о том, что будет скучать по мне. Не мог не захотеть услышать, что я буду скучать о нем. Мой Артем Капралов не мог всего того, что смог настоящий.

Почему люди думают, что причинить страдания можно только словами и действиями? В моем случае для того, чтобы заставить захлебываться неизвестностью, оказалось достаточным не произнести ни слова, не совершить ни одного действия. Так много «НЕ» осталось между нами, что иногда даже светлые воспоминания окрашивались в серые тона щемящей сердце грусти. Подскочила к окну и открыла форточку, снова начиная злиться на себя. Потому что не должна думать о прошлом, не должна снова чувствовать, как горло перехватывает от воспоминаний этих. Тем более сейчас, когда до свадьбы с Грантом осталось так мало времени. Вздрогнула, когда телефон зазвонил: словно почувствовал, что о нём подумала. Правда, желания ответить не возникало. Убрала звук, глядя, как крутится, вибрируя, телефон на столе. Скажу, что спала в это время или в душе была. Не хочу с ним разговаривать после вчерашнего. Едва с ним не поссорились после ухода Артёма. Конечно, Гранту не понравилось, что отец предложил незнакомцу такую работу, и что я пошла сама гостя провожать.

Но то, что отец ему мозги вправит, я знала. После произошедшего с Миленой... Поёжилась, вспомнив вчерашний вечер. Если бы не Артём, кто знает, в каком состоянии нашли бы

меня. Слезы к глазам подкатились. Нужно просто собраться и отпустить прошлое. Не позволить ему вмешиваться в настоящее. Его стерло время, оставив смутным шлейфом воспоминаний. А в настоящем у меня был жених, который любил и которому я ответила «Да».

Телефон давно уже перестал жужжать, и я всё же набрала номер Артёма, чувствуя необъяснимую злость на свою нерешительность. Мне просто необходимо относиться к нему как к любому другому знакомому. Вот и всё.

В трубке послышался сонный голос:

– Доброе утро, мышка. Рано ты. Воскресенье все-таки. Или тем, кто рано встаёт, тем много дают?

Мстительно рассмеялась, услышав нотки сарказма:

– Доброе утро, Тём. Всё зависит от того, что хотят получить те, кто рано встаёт. Много спать вредно, Капралов. Обленишься, растолстеешь, пузико появится, пистолет элегантным движением руки за пояс уже не заткнешь.

Почему-то представила, как перевернулся на живот и потянулся за сигаретами.

– Те, которых разбудили, хотели бы получить тех, кто рано встали, а что хотят получат те, что рано встали...м?

Задохнулась, оседая на кровать. Как был наглым, так и остался, только теперь это уже наглость совершенно другая. Наверное, более взрослая. И она будоражит, вызывая желание ответить, поиграть в эту игру с ним. Прикусила костяшку пальца, не позволяя себе окунуться в это желание. Когда-то это привело к слишком большой привязанности, сейчас я уже знаю о возможных последствиях и больше не согласна на них.

– Мне кажется, ты еще в сладком сне, Капралов? Раз с возможной работодательницей такие разговоры водишь, м?

– Мышка, а что такого криминального ты узрела в моем вопросе. Когда один человек звонит другому, он определенно чего-то хочет. Но мне нравится ход твоих мыслей. Итак, это «да»?

Вот же...сволочь! Посмотрела в зеркало и поймала собственный лихорадочный взгляд. Артём всегда мог зацепить одним словом, заинтересовать, завлечь в такие дебри, что, казалось, оттуда невозможно выбраться. Невозможно и не хочется.

Замолчала, пытаюсь отдышаться. Нужно просто перевести тему в нужное русло.

– Тём...Это значило "да" еще вчера. Сегодня днем Грант улетает. Я поеду провожать его, и мы можем встретиться с тобой в аэропорту. Готов приступить к своим обязанностям так быстро?

– Цербер уезжает на выставку породистых? Определенно утро сегодня очень доброе. В котором часу за тобой заехать?

– Приезжай в аэропорт к трём часам. Оттуда поедем на дачу к подруге моей, так что оденься попроще. И, Артём, давай договоримся, что ты не будешь так говорить о моем женихе? Он, между прочим, мой будущий муж.

– Мышка, я всегда оставляю за собой право говорить так, как я хочу, а чтоб я начал говорить иначе, нужно это заслужить...Пока что твой цербер не удостоился такой чести, но мне жаль, что я ранил твои нежные чувства. Ну и когда станет мужем, тогда и поговорим на эту тему.

Слышно, как встал с постели и пошел с телефоном куда-то, затем звук льющейся воды.

– На дачу, значит? Что празднуешь?

В этот момент телефон завибрировал- черт, снова Грант звонит, – скинула вызов.

– Вот, зашевелился, умыться решил. Видишь, как на тебя положительно влияют утренние звонки?

– Это ты на меня положительно влияешь. Я даже заварил чай, вместо кофе, и не закурил прямо с утра. Кстати, ты помнишь, как будила меня в школу?

Так просто спросил, а меня будто током пронзило. Как тогда от прикосновения. Только на этот раз под пальцами не обжигающая кожа, а слова его. Невинный вопрос, который на мгновение лишил опоры под ногами. Потому что я помнила.

Очнулась, услышав его изменившийся голос:

– Мышка, я по сей день, если слышу свист под окнами, подпрыгиваю как от будильника, – он громко прополоскал рот и сплюнул в раковину, – Кстати ты еще умеешь свистеть, как я учил?

– Капралов, совсем офигел? Хоть бы трубку положил, потом... вот эту часть твоей интимной жизни я точно предпочла бы не знать.

Потянулась за графином с соком и громко засвистела прямо в телефон, с удовольствием представив, как он морщится и ковыряет в ухе пальцем.

– Надеюсь, это приведет тебя в чувство

Пауза и громкий хохот:

– Да ладно, я ж не в туалет телефон забрал, я, между прочим, слежу за микрофлорой своего рта, чтобы при встрече благоухать ментолом. А свистишь ты ужасно. Таки разучилась. Надо будет повторить уроки... Только не вздумай пробовать еще раз. Придушу. У меня в ушах до сих пор звенит.

– Какое благородство с твоей стороны – взвалить на себя дополнительные обязанности! Сразу оговорю – оплачиваться отдельно они не будут. Всё на добровольных началах. И, Артём... Не могу позволить себе не отметить это благодарным свистом.

Снова свистнуть и рассмеяться, когда услышала, как он чертыхнулся. С ним всегда было легко. Слишком легко, учитывая, что его семья ненавидела нерусских. Когда-то слышала даже, что его брат состоял в группировке скинхедов. Правда Артём отрицал это. И я верила ему. Да и по большому счёту мне было плевать на его семью. На брата, который то пропадал месяцами, то приезжал и мотался с местными бандитами. На отца, который беспробудно пил. Уходил в долгие запои и поднимал руку на жену и на младшего сына. Я знала об этом. Чувствовала, когда Артём вдруг не появлялся сутки, а после я замечала синяки то на плечах, то на спине, то на лице. Трогала их пальцами, а он опускал голову, отстраняясь, стесняясь их. Я не задавала вопросов, но ненавидела его отца так сильно, как только можно ненавидеть в четырнадцать лет. И так же сильно презирала его мать, которая позволяла всё это делать со своим ребёнком.

Которая покрывала мужа, когда сердобольные соседи однажды вызвали «скорую помощь» среди ночи. Возможно, я была еще ребенком. Возможно, мне трудно было понять многие вещи из-за юношеского максимализма. Но я до сих пор не знаю, как можно оправдать мать, которая позволяет измываться над своим дитя. Как можно продолжать называть ее матерью? А он называл. И любил ее. Мне вообще казалось иногда, что он только ради нее и не ушел из дома. Боялся одну с батей оставить.

Однажды отец избил Артёма так, что он еще несколько дней с постели встать не мог. А эта женщина... она защищала убогого пьяницу, крича о том, что мальчик был сам виноват, и что никто не имеет права вмешиваться в воспитательный процесс. Переругалась со всеми соседями и не разрешила мне навестить сына, выгнав с порога квартиры, оскорбляя «зарвавшейся черножопой дрянью». Тогда – то мы и придумали эту систему: они жили на первом этаже разваливавшейся четырёхэтажной «сталинки», Артём переставил кровать к окну, я звала его

тихим свистом, и мы могли беспрепятственно разговаривать с ним до самого обеда, когда мне нужно было возвращаться домой.

– Ладно, Капралов, иди завтракай, приятного тебе аппетита. Увидимся позже.

Замолчала, подбирая слова.

– Только, Артём, я тебя прошу, не называй меня вот так... «мышкой». Хорошо?

– А ведь у тебя всегда была отличная память, Нар. Мы же уже об этом говорили. Всего лишь пару минут назад. Конечно, не буду...мышка. До встречи.

Отключился первым, а я отставила недопитый апельсиновый сок и рухнула на стул. Ничего, я поговорю об этом с ним в машине. Отец всегда учил, что самое важное при общении с человеком – вовремя расставить границы, за которые он не должен выходить. Артёму нужно дать понять, что те границы, которые были между нами, давно уже расширились, отдалив на большее расстояние друг от друга.

И снова Грант. Ответила на звонок, скривившись, когда он едва не зарычал в трубку:

– Почему не отвечаешь на звонки, Нар?

– И тебе доброе утро, Грант! Я в ванной была. Можно?

– Ты разговаривала с кем-то только что! А меня скинула.

Почему-то стало стыдно, но не от его тона, а от осознания, что с момента нашего с ним общения с кем бы я ни говорила по телефону, приоритетом всегда был мой жених. Всегда до сегодняшнего утра.

– С Аней, Грант. Она всё зовет меня на дачу к себе.

Молчание на том конце провода, а потом напряжённое:

– Поедешь?

– Я только подарок отдам и сразу вернусь.

– Подарок можешь и дома ей отдать. В понедельник.

– Она улетает в понедельник рано утром, любимый. Я обещаю, что ненадолго. Мы же все равно на связи с тобой будем.

Снова молчание, только слышно, как отстукивает пальцами по рулю, затем затянулся сигаретой и, наконец, сказал:

– Не хочу, чтобы с ним ездила.

– А с кем? Ты улетаешь. Арт в Ростове. Или лучше одной за город на такси?

– Да знаю я, черт!

– Ты лучше скорее заканчивай там со всеми делами и приезжай, хорошо? Я скучать буду.

– Скажешь мне это лично. Придешь же провожать?

– Приду. Я пошла одеваться, мне на учебу пора.

– Я тебя сам оттуда заберу. Поедем к нам домой, оттуда в аэропорт.

– Хорошо. До встречи.

С каким-то облегчением выключилась и пошла одеваться, предвкушая, как удивится Аня, увидев меня сегодня. Где-то далеко внутри начали подтачивать когти угрызения совести, что вместо положенной печали от прощания с любимым я чувствую смутную радость. Впрочем, еще вчера я действительно грустила при мысли о его отъезде. Ещё вчера.

*2 – Спасибо, малышка

Глава 4. Грант, Нарине

Мужчина, привязанный к стулу, плакал навзрыд. Его плечи вздрагивали, а из горла вырывались хриплые всхлипы, перемежавшиеся с мольбами.

– От...отпустиии...Грант...отпусти. Я же всё рассказал. Твою маааааать!

Он заорал и заревел с новой силой, когда Лёха одним чётким движением отсёк ему палец огромным тесаком.

– Сукааа...прошу...отпустиии!

Чижов матерился и слезно умолял, пытаясь вырвать руку, которую крепко удерживал Лёха. Но куда ему после трех дней голодного пребывания на складе у Сафаряна против здорового мужика.

Грант поморщился, глядя, как их «палач» снова взмахнул тесаком. Чижов теперь матерился, будто причитал – без остановки, захлёбываясь слезами. Всё же не любил Грант вот такие показательные пытки с отрубанием частей тела. Грязно, и уши закладывает от криков. Поначалу даже где-то сердце от жалости сжималось, но, как сказал однажды его отец, людей жалеть нельзя. Разных там зверушек, птичек, деток – другой дело. А взрослых людей жалеть – это грубый просчет, лучше сразу отдать им в руки пистолет и на колени становиться. Люди по природе своей подлые существа. Только у кого-то эта подлость сразу видна, а у других только со временем наружу вылезает.

Грант, скорее, презирал людей. Не всех, конечно, а таких, как этот Чижов, который был настолько глуп, решив, что сможет избежать наказания за предательство. Придурак сдал ментам, что Сафарян готовился отправить ответную партию товара в Афганистан, хорошо, полицейский из своих был, прикормленных. Но всё равно пришлось временно приостановить экспорт оружия, а это значит, пока об афганских драгметаллах и речи быть не может. Да и с третьей стороной начались разногласия – те требуют полную сумму выплатить за оружие, а Карен с отцом Гранта еще сами всей этой суммы не видели: афганцы – не идиоты, перевели только аванс, остальную часть обязались оплатить только по получении товара.

И сейчас с обеих сторон названивают и грозятся отменить договоренности, а это сулит самые серьезные проблемы. А всё из-за ублюдка этого тщедушного, который сейчас визжал на стуле, словно поросенок перед смертью.

Грант со стола, на котором сидел, вскочил и подошел к Чижову, склонился над ним, поддев подбородок лезвием ножа и приподнимая заляпанное кровью лицо предателя. Его зеленые глаза лихорадочно бегали по сторонам, в расширенных от страха зрачках отражались попеременно то тесак в руках Лёхи, то нахмуренное лицо самого Гранта.

– А ты, когда ментам на поклон шел, не думал, что отвечать придется? Не думал, что, – Грант размахнулся и нанес удар локтем по лицу пленника, от чего тот громко взвыл, – тебя, суку такую, поймают и заставят собственной кровью харкать?

– Отпустиии...Грааааант, – тот, словно неадекватный, только ныл эти два слова. Гранту еще со вчерашнего дня надоело их слышать. Оттолкнул стул назад и набросился на ублюдка. Вздернул его за плечи вверх, удовлетворенно усмехнувшись, когда тот снова заорал благим матом от боли, и бросил его об стену спиной. Пленник сполз вниз на пол, конвульсивно дергаясь всем телом, кашляя кровью, а Грант словно озверел, накинувшись на него. Бил его ногами по почкам, по голове, вымещая всю злость, которая внутри черной змеей жалила последние дни.

Вот это были его методы, мужские – избить, подраться, сливая свою ярость на жертву, а не сидеть и хладнокровно резать её на части.

– Кому, – удар ногой по лицу, пачкая кровью носки кожаных туфель, – ты еще, – по почкам серией пинков, с наслаждением глядя, как ублюдок загибается на полу, пытаюсь закрыть голову обкромсанными руками, – слил про оружие, мразь? – наступил ногой на истерзанную кисть, и тот заскулил.

– Хватит... Я всё скажу... Граааант, хватиииит.

Рывком содрал придурка с пола и кинул обратно на стул, склонился к нему, брезгливо оглядывая опухшее окровавленное лицо с заплывшими глазами, с порванным искривленным болью ртом.

– Говори, тварь. И если соврешь, я, Богом клянусь, шкуру с тебя спущу и матери твоей отправлю на чехол для кресла.

– Тарасу, – Чижова трясло так, что под ним стул заходил, – Тарасу рассказал. Он мне помочь, – предатель опустил голову, и по щекам снова кровавые слезы побежали, – он, бл**ь, обещал... Отпустиииии, Грант, я уеду, я навсегда..., – его язык заплетался, Грант с трудом разбирает слова, скорее, догадываясь, чем слыша.

Оттолкнул от себя кретина и пошёл к выходу из склада, доставая телефон.

– Грант, – тихий голос Лехи окликнул его.

– Прикончи суку, – бросил через плечо и вышел за дверь, нужно еще успеть переодеться и за невестой в универ заехать.

Уже стоя перед зеркалом и поправляя воротник нежно – голубой рубашки, Грант всё еще думал об информации, выуженной от уже наверняка мертвого кретина. Думал о том, что такой расклад принесет им всем конкретные неприятности. Тарас, он же Михаил Тарасов, – когда-то был лидером местной банды бритоголовых. Крушил точки всех нерусских в городе и в ближайших поселках, выпускал своих цепных псов на любого бизнесмена неславянского происхождения, и те рвали и ломали витрины, избивали и насиловали жен и дочерей, калечили и убивали самих дельцов. И при этом урод никогда не сидел. Собачки были фанатично преданы ему и считали за честь отсидеть за те преступления, которые совершил сам их лидер. Когда-то эта тварь разгромила и первый магазин отца Гранта в городе. Как раз отец кредиты взял в банках под высокие проценты на открытие ювелирного, и только дела начали выправляться, несколько подонков в черных платках, завязанных на лице, полностью разнесли магазин, до смерти избили охранника и вынесли весь товар.

Правда, охранник перед смертью кое-какие описания дал своему начальнику, и тот начал рыскать в поисках помощи в войне с этими нелюдьми. Тогда-то и начали тесно общаться Карен и отец Гранта. Именно Карен и помог найти парочку тех моральных уродов. Грант тогда молодой еще совсем был и, подслушав разговоры взрослых, едва не натворил дел. Собрал однокурсников, бывших друзей по школе и организовал охоту на скинов в городе. Те к тому времени попортили немало крови местным жителям, и ребята с каким-то большим азартом подключались в команду. Причем не только кавказцы, азиаты, армяне, арабы, но и русские парни, осуждавшие философию фашизма. Начали выслеживать и вскрывать тварей, некоторые из которых даже не скрывали своей принадлежности к группировке. Это сейчас сажают за решетку даже за посты в интернете, которые могут показаться правоохранительным органам разжигающими национальную вражду, а тогда был самый настоящий произвол бритоголовых.

Когда ребята поймали очередного ублюдка, отец Нарине узнал об этом – услышал разговор сына с Грантом. Карен из тех мужиков был, которые своего добиваются всегда и любыми

путями, и заставил Артура привезти его на заброшенную стройку, где молодежь скина как раз пыталась. Они решили устроить показательную казнь этой твари: убить и тело вывесить ночью в самом центре города.

Обозленные, взвинченные молодые парни, каждый из которых выдыхал ярость при взгляде на тощего лысого уродца, продолжавшего ухмыляться окровавленными зубами на все вопросы о Тарасе.

А Сафарян спокойно уселся на один из бетонных блоков и, задумчиво оглядев стоявших по кругу молодых людей, заговорил тихо и размеренно:

– Молодцы, парни! Молодцы, что поймали эту мразь. И других до него тоже. И я рад, что вы, – он обвел глазами стоявших перед ним парней, будто вожак свою стаю волков осматривал, – все вы объединились против них. Рад, что эта гнилая идеология нашла поддержку не у всей молодежи нашего города. Этим уродам, – он кивнул головой на стоявшего на коленях связанного пленника, – давить нужно без жалости, как насекомых. Как слизняков, а не как героев.

Парни задвигались, начиная понимать, куда клонит мужчина, а он вскинул руку кверху, успокаивая, и продолжил:

– Сейчас вы его помучаете, порежете и выставите на всеобщее обозрение труп. Открыто, кто это сделал, вы не заявите, это и ежу понятно. Но зато поглумитесь над подонком, так? А вы подумали, как отреагирует его группировка? Вы думаете, эти мрази искать виноватых будут? Для них виноват будешь ты, – от ткнул пальцем в одного из дагестанцев, – и ты, Дилшод, и ты, Анвар, и ты Арам... Виноваты будете вы все вместе с вашими семьями, с вашими матерями и сестрами, младшими братьями и бабушками. Вы сами и люди, которые вовсе не замешаны во всем этом. Вы готовы к таким последствиям? И что будете делать после? Мстить, да? Ну мстить можно по-разному. Не подставляя своих же близких и родных.

– Да что за хрень? И нам, как трусам, теперь прятаться от них, так?

– Ты, Олег, всегда воспитанным парнем был, никогда при мне не матерился... Не как трусам, но действовать так же, как и они, не раскрываясь. У тебя сестра же родила недавно. На днях ведь у нас дома бокал за здоровье племяшки твоей поднимали. Наверняка, она часто гуляет с ребенком во дворе. А ты гласности хочешь, не боишься свободно сказать, что это ты последнее время свиней этих режешь, как на убой? Смелость, сынок, не путай с глупостью. Смелым можно быть, когда только за свою жизнь отвечаешь. Вы все еще дети, понимаю. Вам воевать открыто охота. Показать, что не боитесь. Поставить тварей на место и доказать, кто в городе хозяин. Только амбиции эти не стоят тех жертв, которые будут.

– И что, дядь Карен, отпустить его предлагаешь?

– Ни в коем случае, – Карен замахал ладонями, – просто убейте и выкиньте труп куда подальше. Тихой сапой вы будете убирать по одной твари из города, а объявив во всеуслышание войну, вы приумножите их количество и устроите здесь настоящий Ад. Будьте умнее. Самые лучшие войны – те, которые ведутся исподтишка. В случае большой опасности всегда есть шанс спасти и жизнь, и репутацию, и свободу.

Звук сообщения отвлек Гранта от мыслей, и он достал телефон из кармана. Открыл уведомления и улыбнулся.

«Я решила не идти на третью пару. Как ты на это смотришь?».

Быстро набрал ей в ответ: «Я уже подъезжаю, никуда не уезжай», и засмеялся, получив смайлик, закатывающий глаза.

Спрятал смартфон в брюки и, схватив куртку, парень вышел из дома. Ему нравилось, что двухдневное напряжение, ещё утром царившее между ним и Нарой, пропадало. Он чувствовал это по тону сообщения. Возможно, потому что она поняла, что он надолго уедет, и не хотела

этого. Черт, Грант ловил себя на мысли, что многое бы отдал, чтобы быть уверенным, что она будет скучать по нему.

Он привык быть окруженным девушками, привык к женскому вниманию, к тому, что они первыми звонили ему, умоляли о встрече, устраивали истерики и ревновали. Он привык просыпаться под «доброе утро, любимый», на которые не считал нужным даже отвечать. И в Армении, и в России, и во Франции, где его семья прожила последние два года перед приездом сюда, девушки были красивы, доступны и скучны. Такие разные с виду и абсолютно одинаковые при близком общении, они довольно быстро приедались и не вызывали со временем ничего, кроме скуки. И тогда он менял свою очередную на следующую такую же.

Пока не увидел после приезда из Еревана сестру Артура. Когда они с Артуром познакомились, Нара еще школьницей была, самая обычная маленькая, худенькая, смуглая армяночка с двумя хвостиками на голове. Как его сестра, или как сестры его друзей. Ничем не отличавшаяся от них. Он и видел-то ее мельком тогда. Она то в своей комнате сидела, то гуляла постоянно. Сейчас Грант вспоминал, что тогда друг его посмеивался над сестрой, когда та, высккивала, как ошпаренная, за дверь. Говорил, что она к жениху своему побежала. Если бы тогда Грант знал, что пройдет несколько лет, и он едва голову не потеряет, увидев, в какую красавицу вырос недавний ребенок. Что начнет чуть ли не через день под разными предложениями к Артуру в гости ходить, лишь бы только ее увидеть. Он как раз с Родины вернулся – ездил по настоянию родителей невесту себе искать, но безуспешно. Ни одна не зацепила настолько, чтобы второй раз встретиться захотел. Мать тогда дня два с ним не разговаривала, не верила, что во всей Армении приличной девушки, способной стать достойной женой, не нашлось.

Поэтому, когда однажды он сказал, что ему Нарине нравится, ее счастьем предела не было. Он ведь тогда оставил все дела в родном городе и переехал сюда, к родителям жить, только бы к ней поближе быть. Правда, поначалу Нарине даже не замечала его ухаживаний, а после вмешательства его матери с предложением позволить «детям поближе общаться» и вовсе старалась избегать его. Да и у Карена отношение к некогда любимому сыну друга изменилось. Грант кожей это отчуждение и напряжение чувствовал, но нагло продолжал заходить в гости к Артуру, которого ситуация только забавляла. Иногда он вместо магазина ездил в универ к Нарине и сидел с ней на парах. Она его сквозь зубы гнала из аудитории, а он продолжал с каменным лицом сидеть возле нее, мрачно оглядывая сокурсников, замечая их недоуменные взгляды на него самого и некоторые, слишком откровенные, на Нара. Провожал ее домой, а наутро уже поджидал наглецов возле проходной ВУЗа, чтобы объяснить, на чью девочку они посмели смотреть.

Любое упорство обрекает человека либо на победу, либо на смерть. И Грант всё же добился своего: через некоторое время Нара уже смеялась над его шутками и соглашалась вместе победать в кафе после пар, да и её папа начал куда благосклоннее относиться к ухажёру дочери. Грант знал, что отец разговаривал с Кареном насчет свадьбы, приводил доводы, почему им семьям было бы неплохо объединиться. Он догадывался, что, скорее всего, Нарине лишь прислушалась к словам родителей о том, что он является отличной партией для любой девушки. Но ему было плевать. Он хотел получить её до трясучки. Словно одержимый, бредил только мыслями о скорой свадьбе, о том, как сделает ее, наконец, своей, а всё остальное не имело никакого значения. Стерпится – слюбится, говорят русские, и они чертовски правы в этом, тем более, что он чувствовал симпатию со стороны Нары. Для начала семейной жизни ему было достаточно и этого.

Я сжимала в руках смартфон и думала, что ответить этому наглецу. На языке крутились пара язвительных фраз, но я решила просто проигнорировать. Он писал мне обе пары на вай-бер. Писал так естественно, будто имеет на это право, будто все эти годы так же писал мне.

«Нари, а, Нариде, теперь придется тебе со мной к ЛОРу идти – у меня в ухе до сих пор звенит»

«Что такое, Капралов? Возраст уже не тот? Глохнешь потихонечку? Что дальше? Ревматизм? Склероз? Подагра?»

«А ты будешь моей сиделкой, если у меня что-нибудь из этого списка обнаружат?»

«Я тебе оплачу сиделку, Капралов. Сама выберу хорошую, заботливую, глухую. Чтобы на все твои претензии улыбалась и послушно головой кивала».

«Согласен на глухую, но тогда чтобы блондинка с третьим размером груди, и ноги от ушей чтобы росли».

«Фу, Капралов, ты только представь себе это страшилище.»

«Вот, мышка, представляю как раз, и что-то уж сильно не вмоготу мне. Прямо вот чувствую – требуется сиделка такая. Ой как требуется...»

«Отстань, извращенец, я на парах вообще-то.»

«Ты даже не представляешь какой я извращенец, мышка».

Я только набрать хотела, что ещё как представляю, но тут же стёрла и отложила смартфон. Через пять минут от него пришло сообщение:

«Что, Нариде, ты ж писала? Почему стёрла?»

Решила не отвечать, сосредоточившись на монотонном звуке голоса лектора, не глядя в сторону периодически ярко загорававшегося экрана телефона.

Не знаю, что за игру он вёл, но она начинала уже злить. Вот эта его непринужденность в общении. Она манила и в то же время приводила в недоумение, перетекавшее в ярость. Так будто не было этих нескольких лет разлуки. Вот только мы оба изменились за это время. И я пока понятия не имею, каким он стал теперь. А он всё ещё уверен в том, что знает меня. И это тоже начинало злить. Потому что он ошибался. Потому что я уже давно не тот наивный подросток, какой он меня помнил. По крайней мере, мне очень хотелось верить в это.

Схватила телефон и, спрятав под партой, открыла уведомления.

«А мне кажется, я знаю, что ты там стерла. Ты же хотела написать, что знаешь, да?»

«Дааа, мышка, твое молчание слишком красноречиво. Как там говорят? Молчание – знак согласия?»

«Итак, я пишу, а ты молчишь, договорились?»

Не выдержала, чувствуя, как начинает трясти от злости.

«Капралов, у меня учёба. Успокойся и готовься быть в аэропорту вовремя.»

Написала и отключила телефон. Засунула его дрожащими руками в сумку. Боже, почему я продолжаю реагировать так на него? Ведь ничего же не написал такого, а у меня внутри всё сжалось. И перед глазами воспоминаниями, как он целует, прижимая к себе, иногда отстраняясь и тут же притягивая со смешком обратно.

Мы спрятались от летнего дождя на самой дальней веранде в детском саду, он улыбается так радостно, так широко, что сердце замирает от его улыбки, капли дождя стекают с мокрых волос на щёки, на подбородок, и я интуитивно поднимаюсь на цыпочки, губами собираю их и тут же отстраняюсь, придя в ужас от собственной смелости. Но он не позволяет, привлекает к себе, пристально глядя в глаза, а я распадаюсь на такие же капли воды от этого его потемневшего взгляда. От той бури, что кружит в нём, темной и беспощадной. Шаг назад, потому что

чувствую, как меня утягивает в эту бурю, и самое страшное – я не боюсь. Я хочу в неё, как замороженная. Хочу потеряться в ней, раствориться в ней дождём.

«– Моя мышка. Не пушу, – уверенным шепотом, чтобы тут же впитаться поцелуем, разбить любые сомнения на жалкие осколки, – скажи, Нарі.

– Твоя мышка, – отвечая на поцелуй, зарываясь пальцами в его влажные волосы, – не отпускай.

– Никогда, – спускается языком по шее, пуская мириады мурашек по коже, заставляя выгибаться навстречу его губам, – не отдам никому.

Отстраняется, и я готова закричать от той боли, что взрывается в теле из-за возникшего расстояния.

– Понимаешь, Нарі? – смотрит серьезно в глаза, удерживая за подбородок пальцами, а я смеюсь.

– Глупый. Нет никого. И не будет никогда. Только ты.

Мне смешно и странно, что у него могут возникать такие мысли, потому что я слишком принадлежу ему. Ему больше, чем себе. Неужели он этого не видит сейчас?

Тянусь к его губам, и он снова набрасывается на мой рот, сжимает в объятиях, вынуждая взвиваться от острого наслаждения.»

Очнулась от воспоминаний только со звонком, разрушившим иллюзию уединения в набитой под завязку аудитории.

– Нар...Нараааа, – Аня склонилась ко мне и почему-то вцепилась в мое запястье, – Нар, да что с тобой такое? Ты из-за Гранта своего так переживаешь?

Перевела взгляд вниз и вздрогнула, только сейчас почувствовав, как сильно впились ногтями в ладонь.

– Что?

– Я говорю, ты уже по своему скучаешь что – ли, не пойму? Как потерянная: то всю пару переписывалась с ним, то сидишь каменным изваянием. Поссорилась? Расслабься, подруга, придет твой ненаглядный. Еще надоесть успеете друг другу.

– А? Да. Конечно, по нему, – вымученно улыбнулась Ане и потянулась за смартфоном, включая его. Она права в какой-то степени. Ведь я сейчас должна думать совершенно о другом.

И снова уведомления о сообщениях от Артёма, но я даже открывать не стала.

– Пойдем, а не то опоздаем – нам в триста пятую аудиторию идти.

–Анют, я не пойду, хорошо? Я с Грантом встретиться хочу. Побывать с ним подольше. Мне это очень нужно.

Она понимающе кивнула и начала деловито складывать тетради в мою сумку.

– Он уже подъехал?

– Нет, но скоро будет.

– Решено, пойдем с тобой в столовую, там его и подождем.

– А как же твоя пара?

– Ну так, а смысл на нее идти? Ты же знаешь, математика – не моё. А без тебя, моей говорящей совести, мне там делать вообще нечего. Тем более что у меня мысли сейчас о выходных. О шашлыках на даче, а не числах...бррр.

Засмеялась, следуя за ней в коридор. Мне действительно нужно увидеться с Грантом. Напомнить себе, кто он для меня, и кто я теперь. Я давно уже выросла, и в моей новой жизни не должно быть больше ни мышки, ни той глупой первой любви, которой она жила. Детство тем и прекрасно, что должно закончиться, должно остаться приятным послевкусием на языке, не более чем хорошим воспоминанием, с нотками грусти по тому, что оно прошло. Воспоминанием, которое не должно причинять такую боль, от которой иногда по ночам выть в голос

хотелось. Нужно просто почаще себе напоминать о ней, чтобы снова в ту же мышеловку не угодить. Потому что второго раза я не выдержу.

Глава 5. Артем

Я ждал её в машине. Долго ждал. Потом психанул и пошел в здание аэропорта. Посмотрел на табло, отыскивая нужный мне рейс, и поднялся в зал ожидания.

Их увидел сразу. Стоят возле кафе, пьют кофе. На ней темно-бордовое платье до колена, туфли на высокой шпильке, волосы волнами ниже поясицы спускаются. Я обожаю их. Вот эти шоколадные пряди пропускать между пальцами, сжимать пятерней притягивая к себе, воруя поцелуи. Я всегда отбирал их силой. Она редко целовала сама. А мне нравилась эта неприступность, она меня с ума сводила. Прикоснется кончиками пальцев, и я взорваться готов только от этого.

Посмотрел на её собеседника и снова почувствовал, как он меня бесит. Когда-нибудь я сверну ему челюсть или вышибу мозги. За то, что смотрит на нее вот так... Так, как я никогда не имел права смотреть. И за то, что она позволяет, а мне... мне не позволяла. Со мной все как у воров и преступников. Украдкой с краской стыда на щеках и с гребаными угрызениями совести. Недостоин я. Русская свинья потому что. Я это только потом осознавать начал, когда все закрутилось, когда мне на мое место указали. Во мне ненависть ядовитая каждый раз волной поднималась, как вспомню. Никогда раньше не делил людей на расы, на цвет кожи, а потом сам вот таких, как они, гнобил, избивал до полусмерти.

Рука цербера её талию обвила, а она голову к плечу склонила и улыбается ему. Нежно так улыбается. У меня по всему телу волной ярости дрожь пошла.

Неожиданно руки сжались в кулаки, как и несколько лет назад, когда её видел рядом с другими парнями. Особенно её круга. Когда уже пришло понимание, что как бы я её, бл**ь, не хотел никто не даст нам быть вместе. Ни моя родня, ни тем более, её родня, у которой власть, деньги и связи. Все для того, чтобы мою стереть с лица земли. На себя мне было насрать, но не на мать с отцом и не на брата.

Когда-то она вот так улыбалась и мне. Голову к плечу наклонит и смотрит глазами своими дикими, бездонными. Так смотрит, что у меня от похоти скулы сводит и член дыбом стоит. От страсти все мозги, как кислотой разъело.

А сейчас от ревности. Потому что я нутром почувствовал, что это не брак по расчету. Он ей нравится. Это был её выбор. По глазам вижу, в позе её, по движению губ.

Близок он ей. Свой потому что. Доверяет ему. Привыкла к нему. Я уже навел справки. Цербер не первый год её пас, прежде чем получил согласие. Завоевал, мать его. В отличие от меня, ему было позволено входить в её дом через парадный вход, а не через окно.

Посмотрел, как проводила к таможенному контролю и как за псом закрылась стеклянная дверь. Быстро пошел по лестнице вниз. Не хотел, чтоб видела меня здесь.

Вернулся в машину и набрал её номер, как только она вышла на улицу.

– Я здесь на парковке слева от тебя. Поверни голову, мышка.

Она впорхнула в машину, распространяя нежный запах духов и аромат свежести вперемешку с терпким парфюмом своего жениха. Я, как зверь, чуял другого самца, и глаза кровью наливались.

– Привет еще раз.

Потом, словно опомнившись, склонилась к моему уху и спросила намеренно громко

– Привет! Давно ждешь? – Отстранилась и потянулась за ремнем.

Чертово обоняние. Сейчас я бы все отдал, чтобы у меня был насморк.

Надо взять себя в руки. Все еще колотит от злости. Черт! Вот эта блядская ревность в мои планы не входила. Думал, давно с этим покончено. Нет к ней ничего, кроме ненависти и

желания мстить. Грязно мстить, больно. А меня уже скручивает от ярости. Тихо! Спокойно. Без эмоций.

– Достаточно для того, чтобы начать подумывать о том, что я ошибся аэропортом или что твой цербер передумал и увел тебя в гостиницу за углом.

Бл**ь! А вот это было лишним.

Потянулся за сигаретой и нервно сунул ее в рот. Прикурил и включил музыку, срываясь с места.

Нари протянула тонкую руку и нажала на паузу. Теперь я уже чувствовал... не видел, а именно чувствовал, как улыбка сползла с её губ. Хватит улыбаться. Пора начинать плакать, девочка. Слезы мне нравятся намного больше.

– Даже если он отвез в гостиницу за углом, что с того?

Она могла пропустить это мимо ушей, но, естественно, не пропустила.

– Да ничего, – пожал плечами, – у вас традиции изменились? Начали давать своим до свадьбы?

Промолчала, отвернувшись к окну, ошарашенная моей грубостью. Я снова щелкнул кнопкой проигрывателя. И её это все же взбесило.

Развернулась ко мне и прошептала сквозь зубы:

– А с каких пор тебе интересны наши традиции? Что происходит, Тём?

– Да так. Просто любопытно стало, у кого-то есть особые привилегии или все же нет. Быстро забылось, да, Нарие? Пару лет и все. И так легко найдена замена из своего круга. Даже традиции забыты?

Я знал, что срываюсь, что меня тянет в какую-то чертовую бездну, но остановиться не мог. От одной мысли что она с ним спит, начинало срывать планки. Да, бл**ь, не имел права. Но мне сейчас было по фиг. Понимал, что могу всю игру испортить к дьяволу. Только я ответ хотел услышать, а она не отвечала.

– Есть, – произнесла тихо, не глядя на меня, – У кого-то всегда будут привилегии. А у кого – то никогда не будет права задавать такие вопросы.

Сжала себя руками, и я краем глаза вижу, как её трясоти начинает. Злорадно усмехнулся, вот и треснуло твое спокойствие, Нарине. Эмоции в тысячу раз вкуснее. Нервничай. Мне это нравится намного больше твоих лживых улыбочек и снисходительных взглядов. Лицемерная сучка. Когда-то ты говорила мне, что любишь, вот этими самыми губами, которыми псу своему улыбалась. Интересно, ваши блядские традиции распространяются только на сам процесс, а все остальное можно, или все же здесь нет избирательности? Хотелось прямо в лоб спросить, сосала она у него или нет, а потом по губам ударить, чтоб в кровь разбить и смотреть, как она по подбородку растекаться будет. Красное на золотистой коже. На её бархатной, гладкой коже. Знала бы, с кем в машине сидишь, девочка, от страха бы кричать начала до хрипоты...но ты не знаешь и еще долго не узнаешь.

– Приоритеты расставляла не я, Артём.

Я резко затормозил на обочине. Так резко, что она дернулась вперед, а я инстинктивно придержал её рукой.

– У меня такого права и не было никогда. И приоритеты тоже не я расставил. Думаешь, все как раньше будет, да, Нарие? Твой папа проявит благородство, подберет бывшего друга с обочины, работу даст, а ты потетишь свое эго тем, что тебя не забыли? Я ради тебя в этот город приехал. Охренел, когда увидел. Поняла? Я не забыл. Зато ты...

Засмеялся нервно. Не продолжил.

– У него тоже не было прав. Ты знаешь, он сам их получил, – повернулась ко мне, – Он просто захотел и получил. Каждый из нас получил, что хочет. А приоритеты, – рассмеялась, а мне захотелось вцепиться ей пощечину так, чтоб на щеке следы от моих пальцев остались, – какой смысл говорить о том, что уже прошло и никогда не вернется, Артём? Ты приехал сюда не из-за меня. Ты прав, как раньше уже не будет. Как раньше, я уже не поверю.

Повернулся к ней и, резко взяв за горло, привлек к себе. Смотрю в её расширенные зрачки и понимаю, что перегибаю, но это как точка невозврата. Я ждал этого дня и прокручивал его в голове миллионы раз, и все пошло совершенно не так. Потому что я не рассчитывал, что есть ОН. Я, бл**ь, вообще не думал, что в её жизни появился какой-то гребаный Грант. Хотя все они шлюхи одинаковые. Только цена у каждой разная.

– Как получил? Вот так, Нарис? – наклонился вперед и жадно впился в её рот губами, одной рукой притягивая к себе за талию, а другой удерживая за затылок, преодолевая сопротивление, – Или вот так?

Снова набросился на губы, проталкивая язык поглубже, кусая, сминая своими губами. Потянул подол платья вверх, скользя по стройной ноге, продолжая яростно целовать, не обращая внимания на то, что вырывается. От вкуса её губ, от горячего дыхания и жара её тела по телу разряды электричества и эрекция мгновенная, такая, что хоть волком вой.

Оторвался от её рта, продолжая удерживать за затылок и скользя пальцами над резинкой чулок, вглядываясь в широко распахнутые глаза.

– А ты и не верила никогда, – задыхаясь ей в губы, – вот так всегда и смотрела.

Откинулся на спинку кресла и запрокинул голову, тяжело дыша. Отымел бы прямо здесь. Жестко отымел. Насрать, если девственница. Хотелось взять наконец-то то, что так долго желал...но тогда месть была бы слишком скоротечной и невкусной. Мало просто оттрахать. Ничтожно мало. Даже если грубо и зверски.

Это слишком просто. Я же хотел этапы, круги, раунды. Я хотел её ломать и крошить. По кусочкам отдирать, разбирать её на осколки. Так, чтоб каждый глаза её семейке резал, вспарывал им нервы. Чтоб они её потом распяли и кровавыми слезами оплакивали. Как я оплакивал брата, как я оплакивал отца и мать.

Она дергает ручку двери, но та заблокирована, а я на ноги её смотрю под задранной юбкой, и в горле дерет от возбуждения. Представил их у себя на плечах и стиснул челюсти до хруста. Прекратила попытки выскочить из машины и как-то очень тихо сказала:

– Верила. Давным – давно. Глупая была. Маленькая. Это хотел услышать? А теперь выпусти меня! Выпусти прямо сейчас!

Снова ручку дернула. Наивная. А меня от её слов лживых то в жар, то в холод швыряет. Я как зверь, готовый оскалиться и рвать жертву на куски, и в то же время сам осаждаю его, глазу по загривку, затягивая ошейник. Рано. Слишком рано пока

– Выпущу, поговорим и выпущу, не бойся, насиловать не буду. Мне сами дают.

Медленно повернулся и посмотрел на нее – дрожит как в лихорадке. Испугалась, бл**ь. Это плохо. Мне нужно было другое от нее, и я это получу. Не сегодня. Немного позже. Я и не лгал ей. Я действительно приехал из-за нее. Только не думал, что, как увижу, опять все на бешеной скорости назад в пропасть укатится.

– Подачки отца твоего мне не нужны. Я не нищий, поняла? Работу и сам найти могу. И обязанным быть не собираюсь, ясно?

Засмеялась, и у меня внутри что-то щелкнуло. Мне опять захотелось ударить. Сильно ударить, так, чтоб на матовой коже кровь увидеть, боль её настоящую почувствовать, впитать.

– Так, найди.

Пожала плечами, снова обхватывая себя руками.

– Найди и исчезни навсегда. Я...я благодарна тебе за всё...в этот раз. Но я не хочу говорить. Понимаешь? Ты не нищий. Ты...я не знаю, ты другой. Или ты всё тот же, просто я теперь уже могу видеть это.

Смеется, а меня от ярости самого трясти начинает. «Так найди»...уверена, что её папа, царь и бог, осчастливить меня решил. Как и тогда, когда кормил с барского стола, а второй рукой душил всю мою семью, чтоб на коленях перед ним ползали.

– Исчезну. Не сомневайся. Отсвечивать не стану. Ты свою жизнь быстро без меня устроила. Папа пропасть не даст. Он тебе десять женихов с запасом отыщет и куда-то да пристроит. И да, я другой. Я больше не тот наивный и влюбленный идиот, которого можно было за нос водить, а за спиной искать выгодные партии среди своих.

– Откуда в тебе эта ненависть к нам, Артём? Я ее кожей чувствую. Когда я тебе замену искала? Когда все время с тобой проводила? Когда с братом из-за тебя ругалась? За что ты меня ненавидишь? За то, что перестала страдать по тебе? За то, что смирилась с тем, что ты уехал, даже не попрощавшись? Или за то, что мой мир, вот сюрприз, не замкнулся на тебе одном, после нескольких лет твоего молчания?

Теперь засмеялся я. Нет в чем-то она все же не изменилась. Та же наивность, та же искренняя вера в то, что ее семья святые.

– Ненависть? Нет, скорее ярость. Я и не сомневался, что перестанешь и что смиришься, и что твой мир на мне одном не замкнулся. Твой брат мне так и сказал перед тем, как я уехал. И ты знаешь, он был прав. Я лично в этом убедился.

Щелкнул замком на двери и, перегнувшись через неё распахнул дверцу машины.

– А теперь давай. Иди. В свой сказочный мир без меня. Считаю, что тебе приснился дурной сон и забудь. У тебя это прекрасно получается. Ну! Что сидишь? Иди отсюда.

Она вдруг резко схватила меня за запястье, глядя прямо перед собой

– Что он сказал? – Повернулась ко мне, и в глазах промелькнула догадка, – что можно сказать, чтобы человек оставил...вот так...подло?

Что сказал? Когда-нибудь ты узнаешь. Сейчас я бы ему за эти слова сердце выдрал голыми руками и сожрать заставил, а тогда я испугался. Не за себя, конечно. За брата испугался. За мать. Что я мог сделать? Ни черта не мог, разве что сопли утереть и убраться с дороги. Только Артур дальше пошел, одними угрозами не ограничился.

Я на пальцы ее тонкие посмотрел, и что-то засадило в груди. Вспомнил как целовал каждый из них, как она этими пальцами волосы мои ерошила и с моими сплетала. Отбросил её руку.

– У него и спроси. Уходи, Нар. Пошла вон!

Захлопнул за ней дверь и сорвался с места, даже не оборачиваясь. Номер одного из наших набрал.

– Бес, подберите сучку на перекрестке у площади. Одну там оставил. Сильно не прессовать. Попугайте, одежду слегка помните и закройте на стройке. Я часа через два подберу.

– А можно мы...

– Нельзя, бл**ь! Яйца оторву. Попугаете. Мешок на голову и в подвал. При ней с её телефона меня наберете. Это логично она мне последнему звонила. Денег попросите.

Я отключился и бросил сотовый на соседнее сидение, но тот снова зазвонил, и я ответил, включив громкую связь.

– Ну что там, Тём? Как дела наши продвигаются?

– Превосходно, дядя. Как я и планировал.

– Неужели? Если все так распрекрасно, почему девку решили умыкнуть?

– Потому что артачится. Нужно действовать иначе. Надавить немного.

– Да мне плевать, хоть придуши ее. Ты знаешь, чего я жду. Мне данные нужны. Информация. По каждой сделке.

– Я еще не вхож в дом.

– Так ускорь этот процесс.

– Не дави на меня, Тарас. Я сказал, что все будет, значит будет. Не нравятся мои методы – ищи кого-то другого. И тон смени, я не один из твоих шакалов дерганых.

– Ладно-ладно, тихо. Не нервничай. Не давлю. Но там новая сделка намечается, и мне нужно знать ее условия. Трахай уже свою сучку, пусть начинает тебе информацию сливать.

– Это тебе не шалава, Тарас. Все не так просто. Терпения наберись.

– Так сделай из нее свою шалаву. Я тоже тебя не об одолжении попросил, ты за крутые бабки на меня работаешь. Отрабатывай, племянник, отрабатывай. Не забывай, из какого дерьма я тебя подобрал.

Он отключился, а я вдавил педаль газа и понесся по окружной, ожидая звонка от Беса. Бросил взгляд на часы – уже должны быть по дороге за город.

Музыку сделал еще громче, вспоминая, как харкал кровью, стоя на коленях у ног её брата, держась за сломанные ребра, видя свое отражение в его начищенных туфлях. Каждое слово он подкреплял увесистым ударом по почкам и угрозами, что за определенную сумму Антона лет на десять упекут, если я не уберусь на хрен из этого города и из жизни Нары.

Для большей убедительности моего отца уволили с завода, того самого, на который Карен Сафарян взял его пару лет назад, а потом подожгли наш дом.

Конечно, все свернули на пьяного бату, но я-то точно знал, чьих рук это дело. Больше меня убеждать не нужно было. Я все понял. Мы уехали в столицу к Антону. Дядька Тарас нам помог жилье снять, но работу отец так и не нашел, а после смерти брата повесился на собственном ремне у нас на кухне. У матери первый срыв произошел, когда застала, как мы с соседом из петли его вытаскиваем. После похорон Антона тогда всего две недели прошло. Не выдержала она, сломалась. Больше её нормальной не видел никогда.

Потом я много раз ставил на колени таких вот, как Артур. Разбивал в месиво их лица, ломал кости бейсбольной битой, выдирали им ногти, тушил о них сигареты и заставлял мочиться под себя от боли и ужаса. Чтоб кровью своей писали твари: «Я – чурка. Я – грязный долбаный чурка. Я должен сдохнуть».

От зверя человека иногда отделяет всего лишь несколько слов, сказанных не в то время и не в том месте. Наверное, для меня этой отправной точкой стали слова: «Русская тварь, ты думал мы тебе позволим встречаться с ней? Ты, грязный, вонючий плебей, кончика ногтей её не стоишь. Еще раз рядом увижу, всю семью твою, как скот, вырежу».

А я не вырезал. Я любил их бить. Мять руками, ломать, корезить, выбивать им глаза. Меня называли Боксер, потому что я превращал их лица в кровавую кашу, ломал носы и выворачивал челюсти. Забивал до полусмерти. И каждый раз, когда под моими кулаками трещали их кости, я испытывал дичайшее удовольствие. Мне казалось, что именно этого хотел бы Антон, которого застрелили в одной из переделок. Пулю пустили четко между глаз. Потом я узнал, кто был там из них, и кто спустил курок.

Тарас определил меня в группировку сразу после убийства брата. Горяченьким взял. Еще перед армией. В организацию СНГ *3 входило более тридцати человек. Дядьку там называли Язычником. У нас была своя форма и полувоенные порядки.

Клятву на крови я произнес после первого личного «чурки», которого забил у выхода из городского парка. Меня приняли в группировку, но в списки официально не внесли. Тарас тогда еще все продумал. Не хотел меня светить. В то время он отвечал за кассу организации, еще не развернулся по полной программе, как сейчас. Когда я вернулся из армии, он предложил мне работу уже иного рода. Меня долго упрашивать не потребовалось.

***3 – Славянская Национальная Гвардия**

Глава 6. Нарине, Артур

Машина дернулась вперед, взметнув столб пыли, а я всё так и стояла на перекрестке, разглядывая свои дрожащие пальцы. Вдруг снова стало так холодно, что захотелось закутаться во что-нибудь теплое и мягкое. Это желание возникало у меня всегда, когда я чувствовала страх или боль. Нескончаемый холод – так я ощущала ужас. Он всегда начинался с пальцев и поднимался вверх по рукам, на плечи и спину, замораживая в венах кровь.

Мама рассказывала, что это у меня с детства. Последствия пережитой атаки в Карабахе. Мне тогда года три было, и мы поехали к родственникам на свадьбу в один из районов Нагорного Карабаха. Остались там гостевать на несколько дней, обратно в Армению поехали двумя машинами. В одной из машин брат отца с сыном и новообращенной невестой был. Там районы состояли из бывших азербайджанских сёл, отбитых армянскими солдатами еще в начале девяностых годов, в которых никто не жил, стояли пустые стены каменных домов и разгромленные амбары, будто кладбище некогда счастливой дружной жизни двух народов.

Мама рассказывала потом, что её бабка отговаривала от этой поездки, говорила, что, несмотря на объявленное перемирие, на этой земле миру не быть никогда, но её слова никто не воспринял всерьёз.

Это случилось молниеносно. Никто из нас их не видел. Будто черти из табакерки, неожиданно выскочили из этих руин люди в форме азербайджанских военных и расстреляли автомобиль дяди, следовавший впереди нас. Они что-то громко кричали и смеялись, запрокидывая голову вверх, пуская очередь по нашим машинам.

Автомобиль повело напрямиком в одну из построек. Отец тогда едва с ума не сошёл, закричал и хотел направить машину прямо на них, но мать истошно закричала наши имена, и он вырулил вперед, возвращаясь на дорогу под звуки автоматных выстрелов. Я до сих пор помню, как видела с заднего сидения остекленевший взгляд отца, уставившийся в зеркало на вспыхнувшую машину брата. Я и сама пыталась повернуться, посмотреть, что там происходит дальше, но не могла. Мне вдруг стало холодно и больно двигаться. От этой боли и страха зашумело в висках и замерзли пальцы.

А потом закричал Артур, запричитала что-то мать, и отец вдавил ногу в газ, остановившись возле одной из заправок. Одна из пуль зацепила моё плечо, но я была настолько испугана происходящим, что даже не почувствовала боли. Я тогда даже не до конца понимала, что случилось и почему все суетятся возле меня. Я всё держала отца за руку и радовалась, что тот его взгляд исчез, что он снова стал моим собранным и властным папой, громко раздававшим команды даже врачам в местной больнице.

И сейчас я обхватила себя руками, пытаюсь унять дрожь и смотрела, как мимо на скорости проносятся машины с музыкой, включенной на полную громкость. Жизнь вокруг нас не останавливается ни на мгновение, это я поняла еще в три года.

Достала смартфон и набрала Ане сообщение:

«Солнце, я не приеду к тебе сегодня. Не обижайся.»

«Что и следовало ожидать... Что-то случилось?»

«Нет. Прости. Вечером наберу тебя.»

Долго думала, прежде чем позвонить брату, но мне нужно было сейчас у него кое-что выяснить. Пусть я не знала Артёма последние пять лет, я всё еще могла различать в его глазах эмоции. То, с какой ненавистью и злостью он говорил о моём брате... Артур никогда не выказывал особой любви к Артёму. Они почти никогда не общались, Артуру тогда было не до

младшей сестрёнки. Он предпочитал знать всех мальчиков и девочек, с которыми я общалась, был не против видеть их у нас дома...и на этом всё.

А потом что-то изменилось.

А потом она попросту подросла. Превратилась из маленькой неуклюжей девочки с огромными карими глазами на худом лице в слишком женственную для своего возраста девушку с соблазнительными формами и мягкими чертами лица.

Наверное, так бывает с каждым старшим братом, когда он вдруг сталкивается с пониманием, что младшую сестру нужно теперь защищать не только от обидчиков, но и от друзей. Особенно от друзей. Отец и мать этого не замечали, но Артур видел, как смотрел на Нара Артём. Мальчик, которого все привыкли считать едва ли не за члена семьи, испытывал к его сестре, как минимум, не братские чувства. Артур не раз и не два ловил взглядом, казалось бы, нечаянные прикосновения этих двоих. Когда она собирала со стола, или когда подавала ему чашку кофе. Как тот осторожно и быстро сжимал тонкие пальцы Нарине, а та опускала взгляд, пряча в глазах тот же озорной блеск, которым светились его.

Вот только брату удалось несколько раз его заметить. Парень ведь тоже вырос, превращался в мужчину, всё больше обретал уверенность в себе, и Нара явно отвечала ему взаимностью.

Мать днём продолжала угощать убудка сладостями, а тот вечером под крышей этого же дома зажимал Нарине в коридоре, целуя и что-то шепча. Артуру тогда будто крышу снесло. Налетел на русского и начал избивать. Молча, не произнося ни слова. Нарка рядом шептала сквозь слёзы, ломая руки, умоляя прекратить, а он всё сильнее парня молотил кулаками, понимая, что если остановится, то примется за нее. Выгнал его в тот день и сказал, чтобы даже на пороге появляться не смел, а потом с сестрой разговаривал. Всю ночь. Только эта ведьма упрямая даже слова не сказала, отвернувшись к окну и молчала, поджав губы и стискивая побелевшие пальцы.

Нужно было тогда еще отцу рассказать обо всё, но Артур сестру пожалел. Знал, не простит отец такой неблагодарности от любимой дочери. Всё же понятия о приличиях у него были очень строгие. Как только еще позволил ей общаться с этим молокососом, Артур понять не мог. Хотя, наверное, потому и позволил, что тот молокососом был. И русским. Не смотрели их девочки на русских, как на мужчин. Только на своих. А те, кто смотрел, тех потом клеймили самыми позорными словами. Нет, конечно, бывали такие родители, что и зятя-неармянина принимали, и внуков-метисов с радостью растили, но у Сафарянов слишком кровь чистая была, чтобы вот так портить её.

Отец мог и вовсе разозлиться и дочку на родину к бабке отправить от греха подальше. Артур не хотел этого, он понимал одно: Нара маленькая еще была, а, значит, весь спрос должен был с парня быть. Пятнадцать лет – трудный возраст, Артур помнил, как сам в этом возрасте нехило оступался. И с пацанами в неприятности влезал, отец отмазывал, конечно, но и сам наказывал после. И травку покуривал, а когда понял, что отец знает об этом, думал – убьёт на месте. А тот просто положил перед ним на стол билеты и косячок. Сказал, пусть выбирает: хочет и дальше баловаться наркотой – он даже денег даст, чтобы сына Карена Сафаряна никто вором назвать не мог, но отправит его в Испанию в интернат, дабы не видеть, как его плоть и кровь в абсолютное ничтожество превращается. Вот никогда отец даже руки на них не поднимал, а они его всегда боялись и уважали.

Он вспомнил, как потом следил за сестрой, сам за ней в школу ходил, сам от подруг ездил забирал. Между ними тогда будто черная кошка пробежала. Правда, ни хрена она не черная была, а светлая, и не кошка, а кот. Облезлый драный кот, позарившийся на то, что ему никогда не светило.

Артур ведь не раз его видел с тёлками разными. Как их в туалетах клубов или в подворотнях трахал. И каждый раз представлял, что тот этими руками грязными к его невинной сестре прикасается, и чувствовал, как ненависть зарождается где-то внутри. А потом сам же себя и успокаивал, что всё правильно. Что пусть лучше тот с равными себе шлюшками утешается, чем Нарине сердце разобьет. А то, что разобьет обязательно, Артур знал. Не верил он в межнациональную любовь или брак. Не любовь это вовсе, а так, похоть одна. Слишком разные по менталитету, по культуре воспитания, слишком разные жизненные ценности у них. Да и чему могут научить мать-неудачница и отец-алкаш? И парень тот сам таким же станет со временем – самым обычным пьяницей, поколачивающим жену и детей.

Только Нара не понимала этого, усмехалась и говорила, что Артур совсем не знает Артёма, что тот не похож на своего отца. А брату и не нужно было узнавать того ближе. Он видел это везде вокруг себя. Вырождавшаяся нация, обвинявшая в своих бедах кого угодно – приезжих, правительство, Америку, природные условия. Кого угодно, кроме себя.

Свиньи, пропивавшие свой дом, имущество, семьи и родителей, предпочитавшие спокойно сложить лапки и, брезгливо морща пяточки, верещать о своей ненависти ко всем нерусским.

Нет, Артур, не ненавидел русских, он их презирал. Именно за эту слабохарактерность и за нежелание бороться, за то, что водку больше матерей любили, а из дочерей растили шлюх. Мать ему с детства говорила, что нельзя всех под одну гребёнку, что в каждом народе есть свои герои и свои ничтожества. И дочку так же воспитала. Но сын...сын предпочитал верить своим глазам, они не лгали никогда. Мать не видела всего того дерьма, которое видел он. Как отец дочку мужику чужому подкладывал за хрустящие банкноты, как сын мать ножом порезал из-за того, что бутылку спрятала от него, как брат брата по миру пустил. Ни уважения к старшим, ни воспитания, ни дружбы, ни родственных отношений.

У Артура были знакомые – русские парни, украинцы, да и не могло их не быть здесь, в России. Общались хорошо, вместе праздновали свадьбы и проводы в армию, вместе играли в футбол и ходили в клубы. Но эти отношения нельзя было назвать дружбой. Только не с теми, от кого можно ожидать подлости каждую минуту. И только единицы из них он мог назвать достойными уважения

А Нара не понимала, пыталась доказать брату, что он ошибается. Приводила подруг домой, а после рассказывала родителям и ему, какие они хорошие девочки, не курят, не пьют, не прыгают из постели в постель. А он только согласно кивал головой, вспоминая, как имел накануне эту самую «приличную» на заднем сидении своего автомобиля. Всегда старался оградить сестру от подобного окружения. А она, как заколдованная, на дрища того смотрела и не видела вообще никого вокруг.

«-Ты не имеешь никакого права выгонять его. Это отца дом, а не твой.

*– А отец, по-твоему, позволит тебе с этим сохом*4 быть? Нар, очнись, не маленькая уже. Отец просто не видит того, что вижу я.*

– А что ты видишь?

– Как он смотрит на тебя, вижу. Как трется возле тебя, стоит тебе на улице выйти.

– А это плохо, Арт? Плохо, если любит? Я не выйду замуж, просто потому что у жениха семья хорошая, понимаешь? Я не хочу, как сотни наших семей, без любви без права голоса. Служанкой быть и измены терпеть.

– Ты с ума сошла? Ты на наших родителей посмотри.

– Это один случай из тысячи, тебе ли не знать. Тебе уже сейчас девочку ищут. Ищут тётки и дяди, а тебе останется только одобрить ее.

– Вот именно. И если мне она не понравится, то я не женюсь. Так и ты не выходи замуж без любви. Тебя никто заставлять не будет! Отца бы воля – никому бы тебя не отдал.

– Но только полюби армянина, да?

– Да. Потому что эта твоя грёбаная любовь заканчивается с годами, и что тогда остаётся? Горькое сожаление и невозможность исправить ситуацию. И вообще, какая любовь? Ты сначала дорости до возраста, когда любить уже можно, потом только обжимайся с парнями. Ты армянка, а не шалашовка какая-нибудь. Еще раз этого урода возле тебя увижу, урою его, Нар, я тебе мамой клянусь».

Она не поверила ему. А зря. Пришлось доказывать. Правда, доказывал он всё же не сестре, а русскому оборванцу. Долго доказывал. С удовольствием. Особенно после того, как выяснил, что у того брат на Тараса работает.

На ублюдка, организатора местной скинхедовской группировки и по совместительству конкурента Сафарянов. Тот в свое время ювелирный магазин имел, а когда Карен снова запустил ювелирный завод, откуда напрямую поставлял товар в свои магазины, то бизнес Тараса пошел под откос. И зачастую случаи нападения на объекты семьи Артура. Вот вам и истинная причина ненависти к нерусским. Просто кое-кому они помешали поднять бабло, а уж нажать на нужные кнопки у кучки недоразвитых оборванцев Тарас умел.

После плотного прессинга Артём всё же отвалил от Нарине, и Артур выдохнул с облегчением, когда понял, что вся семья недоноска уехала из города. Всё же придурок сделал верный выбор. Артур его даже зауважал, парень до последнего качал головой, отказываясь отстать от Нары, пока Сафарян не начал угрожать его семье. Кровью блевал, с колен не мог встать, пока его трое держали, а Артур "вправлял" ублюдку мозги. Он долго издевательски скалился окровавленным ртом, но, как только имя брата услышал, затих. В глазах вместо дерзкой усмешки появилась ненависть. Её Артур отлично умел определять. И только тогда и понял, что победил.

Сложно было потом на сестру смотреть, на то, как увядает с каждым днем всё больше. Нара почти ничего не ела, только воду пила и в комнате своей сидела. Мать к кому только не таскала её: к лучшим врачам, даже к бабке какой-то повела. Вот только один Артур знал, почему в их доме больше не было слышно её смеха. Пытался поговорить с ней, но она его игнорировала, смотрела сквозь брата, будто он вдруг стал пустым местом для него.

Артур отряхнул пепел с сигареты, будто желая точно так же выбросить эти чертовые воспоминания из головы. Правду говорят, время лечит. Оно, действительно, оказалось лучшим доктором для его сестренки. Нара всё же поняла, что все эти чувства к русскому были лишь детской блажью.

Снова помирилась с братом, снова стала ходить на учёбу, и, наконец, в доме снова раздавался ее мелодичный смех. Со временем всё в семье наладилось, и Артур видел, что девочка вынесла правильные выводы из той ситуации. Поэтому его даже не взволновало появление Капралова в их дома. Хотя нет, он, конечно, слегка напрягся, поначалу притаился, следя исподтишка за этими двумя, но Нара была всецело занята женихом, улыбалась ему, а русского, казалось, больше занимала возможность устроиться на работу и подзаработать. Каждый из них переосмыслил прошлое, и Артуру оставалось только ждать, пока тот кретин сделает ошибку и попытается приблизиться к Нарине. В сестре Артур был уверен на все сто процентов. Как и в Гранте, которого она, он знал, любила. Да и до свадьбы оставалось всего ничего, а после муж ее увезет в Армению.

Раздался звонок телефона, и Артур полез в карман.

– Да, Нар. Проводила Гранта?

– Да.

– Домой едешь?

– Артур, – сестра замолчала на несколько секунд, а потом, тяжело выдохнув, спросила, – что ты сказал Артёму тогда?

– Когда?

– Тогда... пять лет назад.

– Нараааа, – Артур почувствовал, как снова зарождается желание придушить этого гада собственными руками, – что за вопрос?

– Тур, просто скажи, – её голос сорвался на крик, и Артур напрягся, сжимая телефон в руке.

– Нар, ты где? Ты дома? Давай я приеду домой перед отъездом и поговорим.

– Почему ты не отвечаешь на мой вопрос?

– Потому что я не помню, понимаешь? Пять лет назад! Я ни хрена ничего ему не говорил. Да и какое это имеет значение сейчас, а?

Он лгал. Я чувствовала это. Слышала в его голосе. Мы всегда были близки с братом. Близки во всём, что не касалось Артёма. А после отъезда Тёмы, когда подтвердились слова Артура о Капралове, о его безразличии, мы и вовсе стали еще ближе. Не сразу. Мне понадобилось немало времени, чтобы прийти к этому.

И я умела распознавать его ложь. Как сейчас, когда он не отвечал напрямую, говорил что-то еще, но я просто выключила телефон и сунула в сумку.

Меня снова начало трясти. В пятнадцать лет я еще была настолько наивна, что не замечала многие вещи. Такие, как, например, почему уехала вся его семья. Просто бесследно исчезла из города. Меня давило осознание того, что ОН меня бросил. Что ОН оставил меня, даже не объяснившись. Просто в один день взял и уехал в неизвестном направлении. Он меня разлюбил, ему надоело ждать, или вовсе надоела я сама. Но ведь вся семья не переехала бы по прихоти младшего сына. Тем более его семья, его отец, которому было глубоко наплевать на обоих сыновей. Ведь он так и не рассказал, что тогда случилось...

Нужно поймать такси, я должна поговорить с Артуром, иначе я сойду с ума. Всё это не имело бы значения, если бы Артем не появился. Но жить с осознанием его ненависти к себе я не смогу. А он ненавидел, каждое его слово в машине дышало яростью. Ко мне. Вот только нет ничего хуже, чем не знать, в чём тебя обвиняют.

Поднялся ветер, и я вскинула руку, останавливая машину. Подъехал черный тонированный джип, а когда я подошла к окну, вдруг распахнулась дверь заднего сиденья, и меня втащили внутрь. Я закричала, но чья-то вонючая ладонь закрыла мне рот, над ухом раздался грубый мужской смех, и меня усадили к кому-то на колени, перехватив тяжелой лапой живот.

– Харэ дрыгаться, дрянь. Тихий, врубай музон. Бес, гони мешок. Ща оприходуем сучку.

Он убрал ладонь, потянувшись за чем-то, и я закричала, только в салоне уже вовсю орала музыка. Дёрнула головой, уворачиваясь от его руки, пока этот громила не ударил так, что голова откинулась на плечо. А потом спокойно накиннул провонявший чем-то отвратительным мешок на мою голову. Схватил за шею и прижался к уху губами, и я даже через ткань почувствовала запах пива и рыбы, от которого затошнило.

– Будешь хорошей девочкой, отпущу тебя домой, как только получу бабки от твоего папаши. А если разозлишь меня, – он снова перехватил рукой мою шею и начал душить, – по кругу пустим с пацанами, а потом задушим на хрен. Кивни, если поняла.

Я дождалась, когда он завязал проклятый мешок на моей шее, кивнула, и, когда он ослабил хватку, ударила со всей силы локтем в грудь и дернулась в сторону двери. Ублюдок охнул и, зарывчав, больно схватил за плечи, усаживая обратно на колени и начиная задирать платье.

Я снова закричала, пытаюсь отбиться, не заметив, как затихла музыка, и откуда-то спереди, наверное, с водительского сидения раздалось шипение:

– Успокойся, Молот. Сказали ж, не портить. Бабки за нее порченую не дадут.

– Эта бл**ь ударила меня, я ей место ее укажу.

– Тебе Боксёр место твое укажет, если ты её хоть пальцем тронешь. Бес, возьми суку себе, у Молота член в штанах плохо держится, а нам за это головы оторвут.

В машине снова загремели басы, а меня рванули куда-то влево и схватили поперек груди так, что больно было даже вздохнуть.

Мы ехали очень долго, я пыталась запомнить повороты, их направление и количество, но такое возможно только в фильмах – рассуждать хладнокровно и трезво, когда тебя похитили и везут непонятно куда. А когда подобное случается в реальной жизни, и ты неожиданно оказываешься один на один с несколькими ублюдками в тесноте машины, то не остается ничего, кроме как стискивать зубы, и мысленно молиться Богу.

Когда мы остановились, меня выволокли из автомобиля и, закинув на плечо, куда-то понесли. Я пыталась вслушиваться, чтобы определить место, где мы находились, но слышала только испуганный стук собственного сердца и тяжелое мужское дыхание, перемежавшееся с вульгарными фразами. Тот, что нёс меня, задрал вверх платье и начал лапать за ягодицы.

– Молот, поищи телефон сучки этой и заодно позвони шлюхам, – урод сильно хлопнул меня по заднице и противно рассмеялся, – снимешь напряжение.

Тот что-то недовольно пробурчал, а остальные так же громко рассмеялись.

Меня сбросили на холодный пол лицом вниз, и, когда я попыталась встать, тяжелая нога с размаху опустилась на поясницу так, что я закричала от дикой боли.

– Привяжи эту тварь и сиди здесь, пока за ней не приедут. Сменишься через час с Бесом.

Когда он убрал ногу с моей спины, я попробовала отползти вперед, понимая, что не смогу сразу встать, ощущая, как кружится голова из-за отвратительного запаха сырости и страха. Да, я боялась. Я ужасно испугалась.

Несмотря на то, что слышала их разговор и понимала, что это похищение ради выкупа, а значит, меня отпустят живой. Отец обязательно заплатит им столько, сколько они потребуют. Но это было уже слишком. Второй раз за пару дней. Это не могло быть случайностью. Так просто не бывает.

Я молчала, пока мои руки привязывали к какой-то холодной трубе, но, как только услышала удаляющиеся шаги, слёзы хлынули из глаз. Кусала губы, пытаюсь развязать веревку на запястьях, но тщетно. Спина болела так, будто эта сволочь сломал мне все кости, и я не могла сидеть, только полулежала на полу, казавшемся ледяным.

Кто-то явно начал охоту на моего отца, я это понимала. И отец поймет это очень скоро. Когда я не вернусь домой. Поймет и сойдет с ума. Пример Милены всё еще слишком свеж в памяти.

А еще я думала о том, что совершила огромную глупость, позвонив Артуру. Он, наверняка, решит, что во всём этом замешан Артём и ломанётся к нему. Я давно перестала питать иллюзии насчёт своей семьи. Мне было удивительно, что у мамы они сохранились до сих пор. Или же она умело маскирует свою осведомленность. Я понимала, что не мог отец не знать о

тех людях, которых я иногда видела мельком в его кабинете. Не мог он не быть в курсе о криминальном прошлом некоторых из них. Или же когда вдруг исчезали на несколько лет близкие друзья семьи, и если я в детстве верила в то, что они уезжали в другую страну, то теперь научилась слышать недомолвки и понимать переглядывания между отцом и матерью, когда спрашивала о дяде Мхо или дяде Вазгене.

А когда спросила напрямую у отца, не из тюрьмы ли вернулся друг Артура, отец сказал ту самую фразу, с которой они с мамой шли по жизни: «Всё, что касается дома, детей, родственников, семьи, касается и вас, женщин. Всё, что касается работы и улицы, вас не касается, дочка. Не стучи в двери, в которые женщинам вход закрыт, собьешь костяшки пальцев».

И это, наверное, правильная позиция, очень верная, и говорит о заботе над своей женщиной. Вот только что делать, когда её насильно втягивают в эти мужские разборки? Только лежать с мешком на голове и молча глотать слёзы в ожидании принца?

*4 – В разговорной речи принятое оскорбительное название русских.

Глава 7. Артём, Нарине

Крики и стоны не утихали. Те, кто вломились в это проклятое место, явно не уступали ублюдкам, похитившим меня. Я слышала звуки борьбы прямо за дверью. Громкий мат смешивался с такими же громкими стонами и угрозами.

– Бееес...Бес, очнись. Я урою этого гон**на.

– Твою маааать...он проломил ему череп.

Истошные вопли и снова грохот тела об дверь.

Я отползла к дальней стене, отчаянно пытаюсь развязать веревки на руках, но бесполезно. Пыталась выровнять дыхание, думая о том, что меня скоро освободят. Правда, я понятия не имела, кто и каким образом узнал, где я. Вряд ли эти идиоты назначили встречу отцу здесь. Может, отец пробил по джипиэс, но ведь он думал, что я сейчас у Ани. Оглушительный шум, и я могла поклясться, что дверь разлетелась в щепки. Попробовала подняться, на ноги, прислонившись спиной к стене и медленно поднимая веревку вверх по трубе. Не знаю, почему, но я не хотела, чтобы меня увидели вот такой слабой, согнувшейся на полу.

Кто-то подошёл ко мне и рывком притянул к себе, и я невольно зашипела от боли. А когда почувствовала аромат одеколона, слёзы покатались по глазам. Он пришёл за мной. Осторожно снял с головы мешок, и я зажмурилась от тусклого света, больно ударившего по глазам.

Как всегда, переборщил и поддал пацанам по полной программе, ткнул Бесу пару купюр, пусть со шлюхами утешится, и кивнул на дверь. Просто как увидел её у стены, маленькую и дрожащую, вспомнил, как тогда, много лет назад били её, и резануло по нервам. На секунду захотелось на самом деле череп Бесу проломить.

А когда к себе её привлек, сразу понял, что узнала...по запаху. Потому что расслабилась и расплакалась.

Это были те доли секунд, когда я почувствовал себя мразью. Да, девочка, игра началась. По моим правилам. А я тот самый монстр, который придумал ее и расписал для тебя сценарий по нотам, и никуда тебе от меня не деться.

Когда мешок с головы сдернул и в глаза её посмотрел, захотелось череп самому себе проломить...Правда, ненадолго, потому что где-то в затылке остро кольнула ненависть.

Слезы её вытер и рывком к себе прижал, зарываясь пятерней в густые волосы, пропуская между пальцами. Когда-то я б за одно прикосновение к ней сдох бы раз десять, а сейчас...сейчас я знал все свои действия наперед и её реакцию тоже знал. Она была именно такой, как я и рассчитывал. Маленькая мышка таки попала в мышеловку.

– Тсссс, маленькая. Все хорошо. Они меня набрали.

Её все еще трясет, лихорадит, смотрит мне в глаза и дрожит вся. Испугалась. На руки поднял и понес на улицу, невольно щекой к волосам прижался...как же охренительно она пахнет. Юностью моей, беззаботностью, любовью чистой, первой, еще не изгаженной и не тронутой никем.

За шею меня обняла и прижалась доверчиво, а я челюсти стиснул сильнее, так, что скулы заболели.

Когда в машину занес, на сиденье устроил и ремень застегнул, снова в глаза ей посмотрел, на отражение свое.

– Не реви, мышка. Считаю, что страшный сон приснился.

Сел за руль и рванул с места.

Вжалась в сиденье машины, всё еще не веря, что этот кошмар закончился. Мне казалось, это мой воспаленный мозг рисует такой сценарий. Своеобразная психологическая разгрузка. Показывает те картины, которые помогут не сойти с ума. А на самом деле я по-прежнему лежу на бетонном полу, меня колотит от ледяного ветра, дующего изо всех щелей, а запястья продолжают натирать крепко стянутые веревки. Попыталась поднять руку, и слезы облегчения снова прыснули из глаз. Ладонью сжала его ладонь, лежащую на руле, и выдохнула, глядя, как стиснул челюсти и скользнул по мне взглядом. Но тут же отвернулся, и я вдруг почувствовала, будто снова холодом всё тело обдало.

– Снова ты... Ты помог. Снова.

Выдавила из себя, только чтобы разрушить тишину и отчуждение. Пусть они вернуться позже. Сейчас мне хотелось перестать чувствовать себя такой одинокой мне хотелось ощутить себя живой. Как раньше, когда я была с ним.

Нет... не помог. В этот раз это был я... как и в прошлый. Я больше не спасаю тебя, маленькая, я тебя душу. Ты пока этого не понимаешь, а я уже руку тебе на горло положил и медленно сжимаю. Ты знаешь, что самое страшное? Я её уже не разожму.

Накрыл её холодные пальцы, опустил вниз, сплетая со своими.

– Разве бывает иначе, Нари?

Провел большим пальцем по ладони, как когда-то. Выписывая круги, успокаивая её и себя вместе с ней.

– Включи музыку, маленькая. Там диски в бардачке. Выбери что-нибудь.

Там были только те диски, которые мы слушали с ней. Еще один штрих в сценарии. Наконец-то обернулся к ней и улыбнулся.

– Эй... забудь. Просто отморозки-нарики. Увидели хорошо одетую девочку и решили пожить. Теперь на больничку собирать будут. Они тебя не тронули?

Знал, что не тронули, иначе урыл бы прямо там. Не выдержал и руку её к губам поднес, целуя запястья со следами от веревок, и снова вниз опустил, не разжимая пальцы.

Он всегда дарил мне это чувство надежности и защиты. Будучи ребенком, сделал так, что рядом с ним я чувствовала себя в абсолютной безопасности. В большей, чем рядом с родным братом. Когда-то я доверяла ему беспрекословно, больше, чем себе. Просто тогда я любила его именно так – больше, чем кого бы то ни было.

Моя бабушка всегда говорила, что нужно быть благодарным людям за всё, что они делают в твоей жизни. И, возможно, мне следовало бы испытывать именно благодарность за то, что тогда он разрушил мое доверие, вырвал его с корнями и бросил в пламя абсолютного одиночества. Потому что самое первое разочарование в свое время помогло правильно расставить приоритеты. Даже если сейчас совершенно не хотелось думать об этом. Только сидеть вот так бесконечно долго, закрыв глаза и наслаждаясь звуками его голоса, тихого, бархатного, с легкой хрипотцой. Наверное, ни у кого из моих знакомых не было такого голоса, способного вызывать мурашки. И эта его улыбка... Как бы я хотела перестать видеть её по ночам.

Когда коснулся губами запястья, прикусила губу, чтобы сдержать стон, едва не сорвавшийся невольно.

Отрицательно покачала головой, отвечая на его вопрос, и потянулась к бардачку, вытащила диски и начала перебирать их, пока не достала Менсона.

«Personal Jesus».

Первая же композиция отбросила назад на несколько лет, заставив улыбнуться хрупким воспоминаниям, трепетно коснувшимся памяти.

«– Я, между прочим, твой личный Иисус, мышка.

– О, да, конечно.

– А ты что, сомневаешься, Нари?

Он подхватывает меня на руки и кружит прямо на улице. Я несильно бью его кулаками по груди, стараясь сдержать улыбку. Он утянул меня с физкультуры. Сказал, что вызвали в школьный музей, а сам потащил на задний двор.

– Капралов, не наглеи и убавь плеер. Лариса Вадимовна выйдет и накажет тебя.

– А почему это только меня?

Не опуская вниз, дразнит, языком лаская шею, вынуждая обвить ногами его торс, а руками вцепиться в его широкие плечи.

– А я скажу, что ты пристаёшь ко мне, Капралов.

– Как пристаю? Вот так? – ласкает спину, опуская ладони вниз, сжимая бёдра, – или вот так? – уцепился за грудь и, когда я вскрикнула, закрыл поцелуем рот.

– Наглец. Какой же ты наглец, Артёём. – Смотрю на него затуманенным взглядом, понимая, что слишком рискованно вот так, на улице.

– Кто твой личный Иисус, мышка, м?

*– Боже, да, ты! Ты! Сирумем кез хенти пес*5 – дожждаться, пока слегка отстранится с этой своей триумфальной улыбкой на губах, и прильнуть к нему снова, шепча вместе с Менсоном «Услышь мои молитвы...Заботься обо мне...Мой личный Иисус. Всегда рядом».*

Артём резко просигналил какому-то пешеходу, и я вздрогнула, выныривая из воспоминаний.

– Почему ты приехал туда? Один? Ты ведь рисковал? Почему не позвонил моим?

Бросил взгляд на нее, когда в салоне музыка заиграла. Выбрала – таки. От воспоминаний и самого током прошибло.

– Времени не было думать и звонить.

По руке её вверх прошелся ладонью, сильно сжимая, чувствуя гладкость кожи, взглядом на колени сжатые и порванные чулки, коленку счесанную.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.